

INSPIRIA

ЧИЛИЙСКИЙ ПОЭТ

18+

История об отцах
и детях.

амбициях

и неудачах.

а также о том, что значит

создать семью

АЛЕХАНДРО САМБРА

INSPIRIA

Loft. Яркая чилийская душа Алехандро Самбра

Алехандро Самбра

ЧИЛИЙСКИЙ ПОЭТ

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.134.2-31(83)

ББК 84(7Чил)-44

Самбра А.

Чилийский поэт / А. Самбра — «Эксмо», 2020 — (Loft. Яркая чилийская душа Алехандро Самбра)

ISBN 978-5-04-195590-8

История об отцах и детях, амбициях и неудачах, а также о том, что значит создать семью. Это ответ на вопрос, что значит быть мужчиной в отношениях — партнером, отцом, отчимом, учителем, любовником, писателем и другом. Самбра полноценно раскрывает тему отношений на всех этапах. После случайной встречи в ночном клубе начинающий поэт Гонсало воссоединяется со своей первой любовью Карлой. И хотя их влечение друг к другу не остыло, изменилось многое другое: среди прочего, у Карлы теперь есть шестилетний сын Висенте. Вскоре все трое образуют счастливую семью — сводную семью, хотя в их языке нет такого слова. В конце концов амбиции тянут влюбленных в разные стороны, но все же маленький Висенте наследует любовь своего бывшего отчима к поэзии. Когда в восемнадцать лет Висенте встречается Пру, американскую журналистку, он побуждает ее писать о чилийских поэтах — не о знаменитых, мертвых, а о живых. Приведет ли это расследование Висенте и Гонсало обратно друг к другу? «Чилийский поэт» — роман о том, как мы выбираем наши семьи и как мы иногда предаем их. Это ответ на вопрос, что значит быть мужчиной в отношениях — партнером, отцом, отчимом, учителем, любовником, писателем и другом.

УДК 821.134.2-31(83)

ББК 84(7Чил)-44

ISBN 978-5-04-195590-8

© Самбра А., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

I. Раннее творчество	7
II. Приемная семья	21
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Александр Самбра Чилийский поэт

Alejandro Zambra
Poeta chileno

Copyright 2020, Alejandro Zambra

© Петров Г., перевод на русский язык, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Хасмине и Сильвестру посвящается

*Ни дома, ни родителей, ни любви: только приятели по играм.
Ален-Фурнье (перевод Хорхе Тейльера)*

*Творческие методы писателей должны применяться и в жизни.
Фабиán Кáсас*

I. Раннее творчество

То было время бдительных матерей, молчаливых отцов и упитанных старших братьев, но также и время повсеместного использования одеял, пледов и пончо. Поэтому никого не удивляло, что каждый день Карла и Гонсало проводили по два-три часа на диване, укрывшись великолепным красным пончо из овечьей шерсти, которое холодной зимой 1991 года казалось вещью первой необходимости.

Стратегическое использование пончо позволяло Карле и Гонсало тайком делать почти все, за исключением знаменитого, священного, пугающего и столь желанного «проникновения». А мать Карлы делала вид, будто этим вовсе не озабочена, и единственное, чем периодически интересовалась с едва уловимым сарказмом, чтобы поколебать их самоуверенность, – не жарко ли им там, под толстым пончо. Но они дружно, хоть и нерешительно, отвечали тоном бездарных актеров-студентов, – вовсе нет, тут холодно, как в пещере.

Мать Карлы исчезала в коридоре и, уединившись в своей комнате, погружалась в «мыльную оперу», которую смотрела с выключенным звуком – ей вполне хватало громкости телевизора в гостиной, ведь Карла и Гонсало тоже смотрели сериал, который не слишком-то их интересовал. Однако негласные правила игры подразумевали: они должны следить за действием фильма, дабы реагировать впопад на замечания матушки, которая через неравные промежутки времени и не слишком часто навещалась в гостиную поправить цветы в вазе, или сложить салфетки, или сделать что-то еще, вряд ли требующее срочного вмешательства. Порой она искоса поглядывала в сторону дивана, не столько наблюдая за ними, сколько для того, чтобы они понимали: она может их застукать. Мать роняла фразы типа «она, бедненькая, так искала его» или «этот тип почти рехнулся». И тогда испуганные Карла и Гонсало, будучи почти нагишом, дуэтом отвечали «понятное дело» или «видно, она в него втрескалась».

Внушающий страх старший брат Карлы, который не играл в регби, но благодаря своему росту и манерам вполне мог бы войти в национальную сборную по этому виду спорта, обычно возвращался домой после полуночи. Случалось, иногда он являлся и раньше, но тогда запирался в своей комнате, чтобы поиграть в Double Dragon. Впрочем, и в этом случае сохранялся риск, что брат спустится вниз за бутербродом с колбасой или за стаканом колы. К счастью, в таких случаях Карле и Гонсало чудесным образом помогала лестница, особенно вторая, предпоследняя ступенька. С момента, когда они слышали громкий скрип, до появления старшего брата в гостиной проходило шесть секунд – вполне достаточно, чтобы расположиться под пончо так, словно они два невинных незнакомца, спасающихся от холода благодаря внезапному проявлению взаимопомощи.

Каждый раз футуристическая музыкальная заставка программы новостей оповещала о завершении очередного дня. И следом парочка страстно прощалась во дворике, что иногда совпадало с прибытием отца Карлы, который включал дальний свет и газовавил двигателем своей «Тойоты» вместо приветствия или угрозы.

Когда он бывал в настроении, то добавлял, удивленно подняв брови:

– Ваше жениховство что-то затянулось.

Поездка по маршруту с улицы Ла-Рейна до площади Майпú занимала более часа, который Гонсало посвящал чтению, хотя слабый свет плафонов в автобусе затруднял это занятие, и потому иногда приходилось довольствоваться беглым взглядом на стихотворение, воспользовавшись остановкой в каком-нибудь освещенном месте улицы. Каждую ночь родители ругали его за слишком позднее возвращение домой, и всякий раз Гонсало божился, вовсе не собираясь сдерживать слово, что отныне будет приходить пораньше. Засыпая, он думал о Карле, а когда не мог уснуть, как случалось нередко, мастурбировал с мыслью о ней.

Как известно, заниматься этим, думая о любимом человеке, – самое надежное испытание на верность. Особенно если самоудовлетворение, как утверждает киношная реклама, строго основано на реальных образах, а отнюдь не на фантазии. Гонсало вообразил, что они сидят все на том же диване, накрывшись привычным шерстяным пончо; единственная деталь вымысла – они там только вдвоем; он входит в нее, и она его обнимает, смущенно закрыв глаза.

Хотя система материнского надзора казалась непреодолимой, Карла и Гонсало надеялись, что желанный момент все-таки представится. Что и случилось ближе к концу весны, как раз тогда, когда дурацкая жара грозила помешать задуманному. Визг тормозов и вопли, слившиеся в хор, нарушили в восемь часов тишину вечера: на углу улицы автомобиль сбил человека, поэтому «надсмотрщица» выбежала из дома к месту происшествия. И Карла с Гонсало поняли: вот он, желанный миг. С учетом тридцати секунд, что длилось «проникновение», и трех с половиной минут, затраченных на оттирание небольшого пятна крови и осмысление только что полученного обескураживающего опыта, весь процесс занял менее четырех минут. После чего Карла и Гонсало как ни в чем не бывало пополнили толпу зевак, окружившую молодого блондина, который лежал на тротуаре рядом со своим помятым велосипедом.

Если бы юноша-блондин умер, а Карла забеременела, то речь пошла бы о небольшом перекосе в мире в пользу смуглых людей, ибо ребенок очень смуглой Карлы и еще более смуглого Гонсало вряд ли получился бы белокурым. Однако ничего такого не случилось: юноша-мормон стал хромым, а Карла – замкнутой и такой болезненной и грустной, что в течение двух недель отказывалась под смехотворными предложениями видеться с Гонсало. А когда все-таки встретилась, то лишь для того, чтобы «лицом к лицу» порвать с ним.

Впрочем, в оправдание Гонсало следует сказать: в те злополучные годы столь востребованная молодежью информация просачивалась скудно. Не было ни родительской помощи, ни советов педагогов или консультантов по вопросам соответствующего просвещения, как и поддержки со стороны правительства или чего-либо подобного, поскольку страна была слишком занята сохранением на плаву своей недавно восстановленной шаткой демократии. Где тут заниматься такими сложными проблемами развитых государств, как комплексная политика полового воспитания. Внезапно освободившись от диктатуры детства, пятнадцатилетние чилийские подростки каждый по-своему переживали вступление во взрослую жизнь, покупая травку и слушая песни Сильвио Родригеса, музыку групп «Лос-Трес» и «Нирвана». И одновременно с этим пытались разобраться в одолевающих юные поколения всевозможных страхах, разочарованиях, психических травмах и заблуждениях, причем почти всегда – опасным методом проб и ошибок.

Разумеется, тогда еще не было нынешних миллиардов видеороликов в Сети, пропагандирующих марафонскую идею секса. Хотя Гонсало и был знаком с такими изданиями, как журналы «Браво» и «Киркинчо», а иногда ему доводилось, скажем так, «читать» даже отдельные номера «Плейбоя» и «Пентхауса», он, тем не менее, не видел ни одного порнофильма. Поэтому у него отсутствовала аудиовизуальная основа для понимания, что с любой точки зрения его первое «выступление» оказалось провальным. А все представление о том, что должно происходить в постели, исчерпывалось репетициями под пончо, а также хвастливыми, путанными, выдуманскими рассказами немногих его одноклассников.

Удивленный и безутешный Гонсало делал все возможное, дабы вернуть себе Карлу. Однако доступны ему были только упорные телефонные звонки каждые полчаса да пустая трата времени на бесплодные уговоры парочки лживых посредниц, которые отнюдь не собирались ему помогать, считая его умным, упрямым и забавным, но по сравнению с бесчисленными поклонниками Карлы – никчемным чудаком и чужаком, забредшим с площади Майпу.

У Гонсало не осталось иного выбора, кроме как поставить на поэзию. Он заперся в своей комнате и всего за пять дней сочинил сорок два сонета, движимый, как великий поэт Пабло Неруда, надеждой создать столь необычайно убедительное произведение, что Карла уже не сможет отвергнуть его. Временами он забывал о своей печали; по меньшей мере на несколько минут верх одерживало интеллектуальное напряжение, вызванное исправлением хромающего стиха или подбором рифмы. Однако радость, порожденная, как он считал, удачным художественным образом, немедленно сменялась горечью реальности.

К сожалению, ни в одном из сорока двух стихотворений не было подлинной поэзии. Например, вот такой отнюдь не запоминающийся сонет должен был, по мнению автора, войти в пятерку лучших – среди пяти наименее плохих – в созданной серии:

Докрасна телефон накалился
но вот он снова зелен и желт
я ищу тебя днем и ночью
но не застаю бредущую как зомби
в каком-нибудь торговом центре.

Я – коктейль без спиртного
я – заблудшая на дне кармана сигарета
я – как лампочка от фонаря.

Весь день трезвонит телефон
но вряд ли вызовет улыбку
он разрывает сердце и уши

а также зуб и даже бровь
сейчас весна зима иль лето
видно скоро умирать.

Единственный вероятный плюс этого стихотворения – попытка овладения классической формой, что для шестнадцатилетнего парнишки можно считать достойным похвалы. Последнее трехстишие, несомненно, худшая часть сонета, но в то же время и самая искренняя, ибо Гонсало действительно желал своей смерти. Негоже насмехаться над его чувствами; лучше посмеемся над произведением, над его посредственными рифмами, сентиментальностью, над его произвольной комичностью, но не стоит недооценивать страдание автора. Ведь оно было искренним.

Пока Гонсало боролся со слезами и непослушными строфами, Карла снова и снова слушала песню «Losing my Religion»¹ американской рок-группы R.E.M. – хит момента, который, по признанию девушки, прекрасно отражал ее душевное состояние, хотя она понимала по-английски лишь отдельные слова («жизнь», «ты», «я», «многое», «это»), а также название, которое связывала с понятием греха, как если бы песня на самом деле называлась «Потеря моей девственности». Хотя Карла училась в католической школе, ее страдания были не религиозными и не метафизическими, а чисто физическими, ибо пресловутое проникновение не только лишило ее символа целомудрия, но и оказалось очень болезненным. Знакомый ей пенис, который прежде игриво и мимолетно появлялся у нее во рту и который она каждый день довольно

¹ Здесь: «Я теряю терпение»; дословно – религию. (Прим. перев.)

изобретательно массировала, вдруг повел себя предательски, превратившись в подобие беспощадного сверла электрической дрели.

– Отныне никому и никогда не позволю мне «вставлять». Ни Гонсе, ни кому-то другому, – твердила она своим подружкам, ежедневно навещавшим Карлу отчасти против ее воли: она говорила всем подряд, что ей хочется побыть одной, но они все равно надоедали.

Подруги Карлы стихийно делились на многочисленную скучную ангелоподобную группу оставшихся девственницами и небольшую пеструю группку уже познавших мужчин. В свою очередь, ансамбль девственниц делился на меньшинство, стремившееся сохранить себя такими до замужества, и на большинство тех, кто придерживался принципа «пока что мне нельзя», к которому короткое время принадлежала и Карла. А в группе не-девственниц особенно блистали две подружки Карлы, которых она иронично и восхищенно называла «левачками» – главным образом потому, что они были почти во всех смыслах более радикальными. Или, возможно, просто менее подавленными, чем остальные знакомые Карлы. (Одна из них даже настаивала на том, чтобы та отказалась от любимой песни в пользу «I Touch Myself»² группы Divinyls – еще одной популярной песни в то время, – поскольку эта, мол, лучше подходит к тогдашней ситуации, чем «Losing my Religion». На что Карла совершенно справедливо ответила: «Любимые песни не выбирают».)

Обдумав щедрые советы обеих сторон и особенно тщательно – мнение «левачек», Карла сделала вывод, что самое разумное – как можно скорее стереть из памяти свой первый сексуальный опыт, а для этого, по логике вещей, ей срочно требуется второй. И вот однажды в пятницу, после занятий в школе, она позвонила Гонсало и пригласила на свидание в центре города. Он почувствовал себя на вершине счастья и рванул к автобусной остановке, что делал крайне редко, считая, что в глазах прохожих выглядит нелепо, мчась по улице, да еще в длинных штанах. Ему пришлось добираться стоя, так как свободных мест в автобусе не было, но все же удалось перечитать значительную часть своих сорока двух стихотворений, которые он вез в рюкзаке.

Карла встретила его красноречивым шлепком и тут же объявила, что они снова вместе и сейчас же отправятся в мотель, от чего сама почти целый год отказывалась, ссылаясь на свою порядочность, отсутствие денег, боязнь подцепить инфекцию или на все сразу. Зато теперь она заверяла его сладострастно и настойчиво, что сгорает от нетерпения и умирает от желания.

– Мне сказали, что возле ярмарки ремесел есть один мотель, я купила тебе презервативы, и у меня есть деньги, – выпалила Карла, не переводя дух. – Пойдем туда!

Это была убогая лачуга, в которой запахи освежителя воздуха смешивались с вонью перегоревшего растительного масла, поскольку в номера можно было заказывать пирожки с сыром и с мясом, а также пиво, чилийскую водку и алкогольные коктейли, но от всего этого они отказались. Женщина с окрашенными в красный цвет волосами и синими губами взяла у них деньги и, конечно, не потребовала показать ей удостоверения личности. Заперев за собой дверь крошечной комнаты, Карла и Гонсало сбросили одежду и изумленно уставились друг на друга, словно только что увидели голых людей, что отчасти было истинной правдой. В течение почти пяти минут они ограничивались поцелуями, облизыванием и покусыванием друг друга, а потом Карла собственноручно натянула презерватив на фаллос Гонсало – в то утро она потренировалась на кукурузном початке, – и Гонсало начал медленно проникать в нее, дорожа каждым моментом, поэтому все шло чудесно. Однако ощущения Карлы улучшились незначительно: боль сохранялась (иногда она чувствовала ее даже острее, чем в первый раз), а проникновение

² «Я ласкаю себя». (Прим. перев.)

длилось столько времени, сколько бегуну на стометровку требуется для преодоления половины этой дистанции.

Потом Гонсало приоткрыл жалюзи, чтобы взглянуть на людей, не спеша возвращающихся домой с работы, и их медлительность издали показалась ему неестественной. Затем он опустился на колени перед кроватью и внимательно оглядел ноги Карлы. Прежде он никогда не замечал очертаний ее ступней и подошв. А теперь целую минуту, будто пытаясь разгадать головоломку, изучал разветвления хаотических линий на коже. И вознамерился сочинить длинное стихотворение о том, как кто-то бродит босиком по бесконечной тропе, пока полностью не теряет форму своих ступней. Вскоре он растянулся рядом с Карлой и спросил, можно ли прочитать ей свои сонеты.

- Давай, – рассеянно ответила Карла.
- Но их целых сорок два.
- Прочитай мне свой самый любимый.
- Выбрать трудно. Поэтому прочту тебе хотя бы двадцать.
- Нет, только три, – настойчиво торговалась Карла.
- Хотя бы пять.
- Ну ладно, начинай.

Гонсало принялся декламировать свои сонеты торжественным тоном, но как бы Карла ни старалась оценить их положительно, на самом деле они не произвели на нее впечатления. Слушая, она разглядывала шею Гонсало, его гладкую, как лед, и в то же время такую горячую грудь, изящный, почти зримый скелет, его глаза, то карие, то зеленые, и всегда выглядящие странно. Она считала его красивым, и было бы так здорово, если бы ей понравились и его стихи, которые она все равно слушала с уважением. Однако ее улыбка вместо безмятежности и расслабленности на лице отражала, скорее, меланхолию.

Как только Гонсало приступил к своему пятому сонету, из соседней комнаты, от которой их отделяла лишь тонкая перегородка, послышались стоны. Нежеланная интимная близость с какими-то незнакомцами дала смешанный результат: Гонсало ощутил нечто вроде доступа к подлинно порнографической сцене, живой и непосредственной, и к настоящему, грубому сексу, сопровождаемому скрипением кровати и почти синхронными стонами, которые наверняка совпадали с мощными телодвижениями. Но Карлу, напротив, такая близость к парочке поначалу смутила, она даже хотела постучать в перегородку, чтобы соседи соблюдали приличия. Однако вскоре предпочла сосредоточиться на этих столах в попытке угадать, находилась ли неизвестная женщина сверху или снизу, или в какой-то из тех странных поз, которые ее одноклассницы опрометчиво рисовали на доске во время перемен. Идея издавать возгласы на манер непобедимой чемпионки теннисного турнира «Ролан Гаррос» показалась ей великолепной и все же сейчас невозможной, потому что стоны, которые она слышала, свидетельствовали об удовольствии. И хотя иногда боль и удовольствие сливаются воедино, на долю Карлы выпала исключительно боль в чистом виде.

Внезапно Карлу охватило желание перекричать соседку; она взобралась на Гонсало и принялась лизать ему шею. А он обеими руками охватил ее ягодицы и почувствовал мгновенное возвращение эрекции, поэтому повторный секс за день – третий в их жизни – обязательно должен был стереть или хотя бы смягчить память о предыдущих. Гонсало попытался сам надеть очередной презерватив, и хотя он действовал довольно быстро, лишние секунды вынудили Карлу отказаться от проникновения, а вспыхнувшая перепалка закончилась рутинной и эффектной взаимной мастурбацией.

Гонсало положил голову на голую грудь Карлы и мог бы даже вздремнуть, если бы не вопли в соседней комнате: соседи продолжали сношаться, как кролики, или как сумасшедшие, или как сумасшедшие кролики. Он потянулся за пультом телевизора, поскольку скоро должна

была начаться «мыльная опера», на которую оба они, в конце концов, подсели, что, кстати, естественно, поскольку она была не так уж плоха и к тому же показывали уже последние серии. Но Карла, минут десять глядевшая в потолок, выхватила у него пульт и не только выключила телевизор, но и вытащила батарейки и швырнула их в стену. Наступила тишина, но лишь относительная, потому что соседи находились, как выразился бы преподаватель теории литературы, *in medias res* («в середине дела»).

– Да не может быть, – сказал Гонсало с искренним недоверием. – Слишком уж долго.

– Что слишком долго?

– Разве ты не слышишь? Это длится слишком много времени, и вряд ли такое нормально.

– А вот мне кажется, что это как раз нормально, – возразила Карла, стараясь смягчить свой тон. – По мне – *именно так вполне нормально*.

– Похоже, ты хорошо разбираешься в сексе, – пробормотал Гонсало, пытаясь скрыть смущение. Она ему не ответила.

Когда пыхтение в соседней комнате, наконец, стихло, у Карлы и Гонсало оставалось еще больше часа пребывания в мотеле, но им уже ничего не хотелось, даже покинуть заведение. Гонсало бросил взгляд на красивую спину Карлы и погладил чуть менее загорелые полоски, образованные чередованием разных купальников, бретельки которых сдвигались с ее плеч, так что полоски составляли что-то вроде инверсной татуировки.

– Извини, – сказал он ей.

– Да ладно, ничего, – ответила Карла.

– Ну, извини, – повторил Гонсало.

Они снова вставили батарейки в пульт дистанционного управления и смогли застать последние минуты «мыльной оперы». Шагая к проспекту Аламеда, обсуждали эпизоды сериала. Выглядело это как одна из самых печальных сцен дня, недели, а может, и всего периода их отношений: взявшись за руки, Карла и Гонсало шли к Аламеде, беседуя о телесериале. Они напоминали двух незнакомцев, отчаянно ищущих общую тему; вроде бы говорили о чем-то и оставались вместе, но при этом сознавали, что в действительности каждый молчит в одиночестве.

Под предлогом болей в желудке Гонсало отправился к врачу. Доктор Вальдемар Пуппо не был ни психиатром, ни психологом, ни урологом, ни кем-то еще в том же роде, а всего лишь педиатром, к которому Гонсало привык обращаться с детства. Несмотря на свое первоначальное хождение «вокруг да около» и эзопов язык, пациент постарался донести до врача: у него появилась проблема с проникновением как таковым, причем она возникала именно во время секса с Карлой. При этом он не решился уточнить, что случилось такое всего два раза. Медик ехидно рассмеялся, и его долгий смех, отражавший мужскую солидарность, смутил Гонсало.

– Дружище, такое случается с каждым, хотя должен тебе признаться, что лично со мной – ни разу, – заявил он, поглаживая себе пузо обеими руками, будто только что слопал кусище кабанятины. – Процесс проникновения как таковой явно переоценен, а ты просто-напросто слишком сильно нервничаешь, вот в чем дело, боец.

Таким же бодреньким молодецким тоном доктор Вальдемар Пуппо посоветовал Гонсало расслабиться и поделился с ним способом отвлечения внимания, резюмировав его туманно и грубо:

– Когда твой «клюв» уже достаточно поднимется, вспомни свою бабушку, – сказал он.

До Гонсало дошел смысл совета, но в тот момент он не смог избежать печали, потому что его бабушка совсем недавно умерла.

Тем не менее совет оказался полезным. Любовники продолжали встречаться во все том же мотеле, на вечеринках и даже на чердаке дома Гонсало, в окружении паутины и, вполне возможно, мышей и крыс. Способ отвлечения внимания, который Гонсало назвал «техникой Пуппо», принес плоды: парень, конечно, думал не о своей бабуле, а о женщинах, которые казались ему некрасивыми, хотя его представление о красоте включало и нравственные понятия. Отвращение, которое вызывали у него, например, бывшая министр просвещения Моника Мадариага, певица Патрисия Мальдонадо или даже Лусия Ириарт де Пиночет³, было по большей степени идеологическим, нежели физическим, поскольку – за исключением, вероятно, сеньоры Мальдонадо – объективно они не были некрасивыми женщинами.

В любом случае, какими бы безобразными ни казались ему эти дамы, в какой-то момент их кожа, которую он представлял себе грубой, морщинистой и дряблой, заслонялась мягкой спиной Карлы и ее совершенными бедрами. Так что реальность победила воображение, и вскоре совет врача перестал работать. Тогда-то Гонсало осознал, что ключевой момент состоит в сосредоточенности на более абстрактных, нейтральных или спокойных предметах, которые способны отвлечь надолго, как, например, картины Кандинского, Ротко или Матты⁴. Или некоторые шахматные задачи начального уровня, информация о покорении космоса, несколько очень серьезных и драматичных стихов Мигеля Артэче, которые ему совсем не нравились, но которые приходилось анализировать в школе («Гольф», «Ребенок-идиот»). Особенно примечательных результатов Гонсало достиг благодаря жестокому средству – воображая человека с болезнью Паркинсона, пытающегося съесть артишок.

Хотя секс у них становился все более частым и немного менее болезненным для Карлы, она уже не была уверена, стоит ли продолжать отношения с Гонсало. Карла пыталась убедить себя, что влюблена как никогда, однако ее покинула воображаемая готовность первых дней провести годы или даже всю жизнь с Гонсало. Теперь такая перспектива все сильнее подавляла Карлу.

Тем летом одна из «левачек» пригласила ее в Майтенсильо, и, несмотря на то что было легко найти повод, чтобы поехать туда вместе с Гонсало, Карла предпочла провести время без него, размышляя об отношениях с ним. Именно этим она в основном и занималась в течение девяти дней, проведенных в Майтенсильо: даже завтракая, обедая или перекусывая под вечер, она обдумывала их связь. А во время послеобеденного отдыха на пляже Карла ложилась на песок, чтобы вздремнуть, размышляя об этом же; и то же самое – играя на пляже в волейбол, бичбол или чехарду; посещая рюмочные и лихо танцуя под хиты бельгийской музыкальной группы «Технотроник». И даже в ту ночь, когда позволила мускулисту аргентинцу поцеловать себя, взять за груди и за самое сокровенное; и хотя такое может показаться невероятным, продолжала каким-то образом думать об этом и когда делала минет тому аргентинцу.

Авантюра с аргентинцем стала известна, она была обсуждена и прокомментирована многочисленными «почти присутствовавшими при этом очевидцами» и совсем скоро должна была достичь ушей Гонсало. Мучимая угрызениями совести, Карла решила признаться в своей неверности, не скрыв и минета. Это должно было смягчить измену, засвидетельствовав: она не допустила «проникновения», хотя, по правде, отказалась не из верности, а потому, что мысль о введении члена на несколько сантиметров короче, но зато значительно толще, чем у Гонсало, ужаснула ее.

На протяжении следующих шести месяцев чувство вины было единственным, что поддерживало их отношения. Иногда Карла боялась, что Гонсало прибежит к мести, но време-

³ Старшая дочь бывшего диктатора Чили Аугусто Пиночета. (Прим. перев.)

⁴ Роберто Себастьян Матта – выдающийся чилийский художник-сюрреалист, лидер латиноамериканского арт-авангарда. (Прим. ред.)

нами даже желала этого, потому что ничья, по крайней мере, позволила бы ей восстановить свою добродетельность, которую она, конечно, не утратила, хотя, случалось, Гонсало доставал ее враждебными замечаниями или жалобами на свою судьбу.

Вопреки своей верной натуре, Гонсало решил ответить взаимностью на намеки проживавшей по соседству девушки, Бернардиты Рохас, к которой он испытывал некую привязанность, поскольку его фамилия тоже была Рохас. Они, конечно, не были родственниками, ведь их фамилия весьма распространена, но Бернардита здоровалась с ним так, словно они родственники. Этим и ограничивался флирт («Как дела, кузен Рохас?» – спрашивала она, раздувая ноздри, как плохие актрисы, пытающиеся очевиднее выразить свои эмоции). Бернардита Рохас казалась ему довольно оригинальной, ведь она не носила зафиксированную гелем челку в форме угрожающей волны, которой злоупотребляли почти все ее ровесницы, включая Карлу, словно чилийские подростки отдавали дань уважения «Большой волне» Хокусая⁵. И вот еще что привлекало его в Бернардите Рохас: при ней всегда была книга Эдгара Аллана По, которую она перечитывала с таким же усердием, с каким другие продирались через «Фрагменты любовной беседы», «Вскрытые вены Латинской Америки» или «Ваши ошибочные зоны»⁶.

Ненастоящие родственники Рохас отправились смотреть фильм «Ночь на Земле», и хотя неясная идея похода в кинотеатр заключалась в том, чтобы, воспользовавшись темнотой, прижаться друг к другу, они нашли фильм Джима Джармуша столь увлекательным, что устали на экран, как замороженные.

– Мне очень понравилось наше свидание, – призналась Бернардита, пока они ждали автобуса.

– И мне, – рассеянно ответил он.

По дороге домой Гонсало размышлял об актрисе Вайноне Райдер, воображая ее за рулем такси «Лада» в ожидании зеленого сигнала светофора на каком-то углу Сантьяго, жующей резинку и покуривающей под музыку Тома Уэйтса. Устав от односложных ответов Гонсало, сидевшего рядом с ней, Бернардита отказалась от намерения вести беседу и взялась перечитывать «Лигейю», свой любимый рассказ Эдгара По. Гонсало несколько минут наблюдал, как она читает на фоне городского заката, и вдруг почувствовал, что хочет ее поцеловать. Он сделал попытку, но она отмахнулась с обычной улыбкой, не разжимая губ.

– Я занята, читаю, – сказала она.

– Почитай-ка мне чуток, – попросил Гонсало.

– Не хочется, – ответила ему Бернардита, но тем не менее подвинула книгу так, чтобы Гонсало тоже мог читать. Остаток пути они провели, сблизив головы и почти обнявшись, поглощая рассказ Эдгара По.

Они доехали до угла, где пришлось проститься, и теперь-то Бернардита не уклонилась от мимолетного поцелуя, хотя и без лишних слов. Гонсало пошел домой, размышляя о возможном продолжении, пока месть не станет более-менее симметричной. Однако он не был в этом достаточно уверен, поэтому решил посоветоваться с Маркитосом, рыжим парнем чуть постарше, работавшим в соседнем магазине. Марко был обязан детской формой своего имени низкому, почти карликовому росту. Приближалась ночь, и Гонсало помог Маркитосу закрыть магазин, а потом они устроились у прилавка с двумя полуторалитровыми бутылками сильно охлажденного пива.

– Твоя любовница намного богаче Бернардиты, – изрек Маркитос, затратив несколько секунд на обдумывание ответа на вопрос. – Зачем мне тебе врать, твоя девушка намного, намного лучше.

⁵ Известная гравюра на дереве японского художника Кацусики Хокусая. (Прим. перев.)

⁶ Популярная книга Уэйна Дайера по оказанию самопомощи. (Прим. перев.)

Это была палочка-выручалочка Маркитоса: фраза «Зачем мне врать вам, сеньора, это лучшие арбузы сезона», – заявлял он, к примеру. Или: «Хозяин, я заснул, зачем мне врать тебе?», а иногда также использовал эту формулировку в пресных фразах типа «Жарко, зачем же я буду тебе лгать».

– Да, я знаю, но она наставила мне рога, – сказал Гонсало.

– Но ведь ты некрасивый, Гонса, очень некрасивый.

– И что же мне теперь делать? Какая разница, красив я или страшен? – ответил Гонсало, как минимум не считавший себя безобразным (да он таким и не был).

– Слушай, дело в том, что твоя девушка ужасно богатая. Самая богатая из всех. – Это прозвучало так, будто Маркитос вынашивал свое замечание веками.

– Что ты несешь, придурок? – удивленно и раздраженно возразил Гонсало.

– Извини, но это правда. Разве друзья не должны говорить друг другу правду? – Гонсало мгновение колебался, прежде чем согласился с нарочитой кротостью. – Зачем мне тебе врать: твоя девчонка мажорка, но она богатая. И она тебе не по зубам. Для тебя она чересчур крута, доходяга. Мне даже непонятно, как ты ее подцепил. А если порвешь с ней, никогда больше не найдешь такую богатенькую.

– А я и не хочу с ней порывать, – признался Гонсало, будто думая вслух.

– Ну, тогда она тебя бросит, ведь на каждую секс-бомбу идет настоящая охота, – заявил тоном знатока Маркитос.

Он принес еще пива, достал нарезанный хлеб и протянул несколько ломтиков Гонсало.

– А что тебе больше всего нравится в моей девушке? – спросил Гонсало подчеркнуто безразличным тоном.

– Ты действительно хочешь знать?

– Хочу.

– А не разозлишься?

– Да нет, Маркитос, будь спок. Разве можно злиться на что-то подобное?

– Но я тебя все-таки разозлю, доходяга.

– Нет, братишка, все нормально. Мне просто любопытно.

– Ну, что тебе сказать, придурок, даже не знаю. У нее красивые, шикарные сиськи. А также задница – будь здоров. У твоей любовницы потрясающая попка, наверняка и ты сам это заметил. Ну и лицо, конечно.

– Что – лицо? Говори же, а то разозлюсь. Какое у нее лицо?

– Скажу уважительно, ну, просто лицо у нее... Зачем я стану тебе врать, братишка, у твоей девушки такое лицо, что я бы не отказался ей...

Он не оставил Гонсало выбора: двойной удар в глаз, два коротких в живот и пинок в «кокосы» навсегда перечеркнули его дружбу с Маркитосом. Он покинул магазин грустный, сбитый с толку и впервые в жизни обеспокоенный своим мнимым уродством, которое он приписывал назойливым прыщам, хотя с одиннадцати лет привык считать их неотъемлемой чертой своей физиономии.

– Что с тобой стряслось, кузен Рохас? – спросила Бернардита в пятницу на той же неделе.

– А что ты имеешь в виду?

– У тебя странное выражение лица.

– Просто лицо у меня некрасивое, – ответил Гонсало, пытаясь отшутиться.

Они вышли на площадь и затеяли долгую беседу. Гонсало поведал ей все или почти все. Перед тем как попрощаться, Бернардита взглянула на него так, словно Гонсало и впрямь был ее двоюродным или даже родным братом, хотя все еще злилась на него. Она знала, что у него есть девушка – не раз видела их вместе, но думала, что они уже расстались или расстаются. Разумеется, Бернардите было неприятно сознавать, что она служит всего лишь орудием мще-

ния. И все-таки на следующее утро она позвонила в дверь дома Гонсало, оставила ему пакет и убежала. Там была обувная коробка со свежесрезанной веточкой алоэ, с перочинным ножиком, написанной от руки инструкцией по лечению кожи лица и картой, на которой Бернардита отметила местонахождение десяти кустов алоэ в разных частях площади Майпу.

В привычку Гонсало вошло ежедневно после обеда срезать веточку растения, мякоть которого он намазывал перед сном на проблемные участки лица. Если бы кто-то спросил его, зачем он носит нож в рюкзаке, он бы ответил: для самозащиты, что в принципе было правдой, потому что нож был нужен ему для защиты от уродства.

А ведь вначале все было так естественно, приятно и забавно, подумал Гонсало, вспоминая свою первую встречу с Карлой почти три года назад, после концерта чилийской музыкальной группы «Электродоместикос». Тогда это был краткий флирт, казавшийся мимолетным, потому что они пообщались менее пяти минут, но Гонсало осмелился попросить номер телефона, чего никогда раньше не делал. А когда Карла отказалась, он умолял ее назвать ему хотя бы первые шесть цифр; это показалось ей настолько забавным, что, в конце концов, она сообщила пять.

Уже на следующий день, с карманом, полным монет в сто песо, Гонсало стоял перед желтым телефоном на углу и набирал номера в порядке возрастания (от 00 до 04), а потом решил перейти к порядку убывания (от 99 до 97). Затем попробовал наудачу (09, 67, 75) и так запутался, что ему пришлось записывать числа в тот же альбом для рисования, где он набрасывал свои стихи. Процесс оказался бесконечным, равно как и расточительным – телефон на углу превратился в подобие игрового автомата, а Гонсало – в азартного игрока и вместе с тем в воришку: карманных денег и сдачи после покупки хлеба уже не хватало, поэтому приходилось ежедневно рыться в кошельках родителей. Когда его охватывало отчаяние, Гонсало воображал Карлу, завязывающую себе волосы. Вот она поднимает руки, чтобы собрать свои угольно-черные пряди, вот ее острые локти, вот груди, обозначившиеся под зеленой футболкой, и, наконец, улыбка, которая открывает редко посаженные зубы, вполне обычные, но казавшиеся ему оригинальными и даже красивыми.

Когда Гонсало был уже почти уверен, что его затея обречена на провал, он набрал номер 59. На первый звонок Карла отреагировала довольно неохотно, ей было трудно поверить в такую настойчивость. Тем не менее они стали общаться по несколько минут каждый день и почти всегда в течение времени, которое позволяли двести или триста песо. А затем, уже месяцы спустя, когда в доме Гонсало наконец-то появился телефон, они беседовали не менее часа в день, и намерение встретиться становилось все более серьезным. Однако Карла продолжала откладывать свидание, полагая, что Гонсало, вероятно, разочарует ее при встрече. Впрочем, субботним утром, когда они увиделись, обнялись и расцеловались, сомнения развеялись.

Они привычно и с явным удовольствием обсуждали подробности первых свиданий, которые он, увы, теперь вспоминал с горечью, – и в то же время снова и снова возвращался к ним, упорно идеализируя свои отношения с Карлой. Гонсало понимал и неохотно принимал то, что им уже не так хорошо вместе, что они не так часто смеются и что причина, вероятно, – печально знаменитое первое «проникновение». Их тела больше не отвечали друг другу полной взаимностью. («Эх, мне не надо было ей вставлять тогда», – вырвалось вслух у Гонсало однажды утром, что вызвало хохот его одноклассников, которые прозвали его с тех пор «Раскаявшимся».)

Его не удивляло, что Карла стала всеобщим объектом вожделения, и он уже привык к тому, что почти все мужчины (в том числе, к сожалению, и отец Гонсало) бесстыже пялятся на нее. И даже некоторые женщины плохо скрывали зависть или, быть может, тайную ревность, которую Карла в них пробуждала. А вот Гонсало не ревновал, хотя после ее романа с аргентинцем и инцидента с Маркитосом считал, что обязан ревновать и что в каком-то смысле на нем

лежит ответственность за случившееся. Однако он не желал быть ревнивцем, собственником Карлы или чересчур жестоким с нею. Он не хотел быть как все.

В массе легкомысленных юношей, предававшихся кровосмешению и культу физической красоты, Гонсало обнаружил в Карле оазис чистого товарищества. Утверждать или намекать вслед за Маркитосом, что Гонсало «заполучил» Карлу и теперь приложит все усилия, чтобы удержать ее, значило ничего не понимать в природе любви. Но что действительно его оскорбило, так это то, что Маркитос заклеил Карлу мажоркой, хотя она нисколько не походила на выскочку из аристократических кварталов ни манерой говорить, ни манерой одеваться. Впрочем, на фоне Гонсало, Маркитоса и Бернадиты Рохас Карла вполне могла считаться таковой.

Между Карлой и Гонсало существовали очевидные различия, которые оба прекрасно видели: частный католический колледж в Нуньоа и государственная мужская школа в центре Сантьяго; огромный дом с тремя ванными комнатами против скромного домика с одной; дочь юриста и сотрудницы стоматологической лаборатории против сына таксиста и учительницы английского языка... Словом, традиционный средний класс из района Ла-Рейна против среднего класса с площади Майпу (нижнего среднего класса, как отметил бы отец Гонсало; зарождающийся средний класс, как уточнила бы его мать). И тем не менее ни Гонсало, ни Карла не считали, что социальная пропасть глубоко разделяет их, наоборот, эти различия скорее подогревали взаимный интерес, вроде идеи любви как счастливой и случайной встречи, подкрепляемой нетленной теорией родственных душ.

Ядовитые слова Маркитоса снова проявились с комариной настойчивостью в ту полночь и сумели проникнуть в самую хрупкую область отношений, в которой было пресловутое отсутствие интереса Карлы к поэзии. Она любила музыку, с детства увлекалась фотографией и постоянно читала какой-нибудь роман, но поэзию считала вещью детской и суетной. А вот Гонсало, впрочем, как и почти все, ассоциировал поэзию с любовью. Ему не удалось покорить Карлу стихами, но влюбиться в нее и полюбить поэзию были событиями почти одновременными, и разделить их оказалось трудно.

Ситуация ухудшилась, когда Гонсало решил изучать литературу. С некоторых пор он был уверен, что хочет стать поэтом, и хотя знал, что формальное образование для этого не требуется, полагал, что ученая степень в области литературы приблизит его к цели. Это было смелое, радикальное и даже вызывающее решение, против которого упорно выступали родители Гонсало. Оно казалось им расточительством: в результате больших усилий и при загадочном, необъяснимом таланте их сын стал выдающимся учеником одной из якобы лучших школ Чили, поэтому он может и должен стремиться к менее авантюрному будущему. А когда в надежде на безоговорочную поддержку и солидарность Гонсало поделился своим планом с Карлой, та проявила безразличие.

В те времена чилийская поэзия представлялась ему сплошной витриной гениальных и эксцентричных мужчин, знающих толк в вине, а также в любовных взлетах и падениях. Попав под чары этой мифологии, он иногда размышлял: в будущем Карла станет лишь давней возлюбленной его юности, которая не смогла оценить подающего надежды поэта (то есть женщиной, не сумевшей, несмотря на многочисленные признаки, понять величие своего мужчины и даже изменившей ему). Иными словами, Карла не казалась подходящей спутницей в трудном путешествии, которое он собирался предпринять. Рано или поздно, думал Гонсало, их отношения иссякнут, и она станет девушкой какого-нибудь успешного инженера, дантиста или писателя. Гонсало намечал свой разрыв на среднесрочную перспективу, хотя иногда ловил себя на мысли, что уже заранее ищет слова, которые выскажет ей в тот момент. Он представлял себе изощренный монолог, который постепенно будет приближаться к фразе о необходимости для каждого из них пойти своей дорогой, и ему нравилось такое выражение, хотя в принципе он все равно винил бы злую судьбу или фатальную неизбежность. А если она вдруг разозлится, он возьмет всю вину на себя, и точка.

Однажды утром они прогуляли уроки и молча бродили по оживленному центру Сантьяго, пока не достигли бульвара Бульнес. Там они обычно садились на скамейку перед книжным магазином «Фонда экономической культуры», покуривали и целовались, а потом сворачивали на улицу Тарапакá и, перекусив бизнес-ланчем, играли в бильярд, причем выигрывала всегда она, а то и шли в «Кинематограф Нормандии». Однако на этот раз очевидным стал совсем другой сценарий: Карле просто хотелось шагать, они даже не шли рука об руку, и она поглядывала на тяжелые облака так, словно стремилась обрести сверхспособность разогнать их. Наготове у нее был длинный монолог, но она предпочла короткую фразу:

– Мои чувства к тебе изменились, Гонса.

Эта фраза, грубая и одновременно изящная, невероятно сильно поразила Гонсало. Нам уже известно, что он готовился к разрыву, однако согласно его плану разорвать отношения должен был он.

В последующие недели он раздвигался между неприятием и яростью, и это материализовалось в причудливых мастурбациях – он наказывал свою бывшую, воображая, что спит с Вайноной Райдер, с Клаудией Ди Джироламо⁷, с Кэтти Ковалечко⁸ и даже с теткой Карлы, которая нравилась Гонсало лишь самую малость.

Что касается Бернадиты Рохас, то однажды он застал ее прямо перед огромным кустом алоэ вера у входа в отель «Вилья-Лас-Террасас». Для начала Бернадита погладила его лицо, которое благодаря лечению чудесным растением частично восстановило свежесть кожи. Решив, что ему нечего терять, он попытался сразу же приступить к делу, но она увернулась.

– Мы же друзья, братишка Рохас, – многозначительно сказала Бернадита.

– Да нет, Берни, не так уж мы с тобой и дружны.

– Друзья, мы хорошие друзья, – повторила она.

– Ну, не совсем так, – настаивал Гонсало.

На самом деле их диалог был намного длиннее и глупее. Они не пришли ни к какому выводу.

– Просто я хочу быть твоей подругой, – заявила Бернадита, прощаясь.

– У меня уже есть друзья, – возразил Гонсало. – У меня их слишком много, и мне не нужно еще больше.

Вскоре Гонсало отказался от мести посредством онанизма и погрузился в апатию, слушая музыкальный альбом «Сердца» группы «Лос-Присьонерос», который неожиданно показался ему саундтреком всей его жизни. Он начал отказываться от любых форм диалога, даже от бесед с самим собой, то есть от сочинения стихов. И почти не выходил из своей комнаты, но больше всего беспокоил свое ближайшее окружение категорическим отказом мыться.

Наконец, однажды утром повторилось популярное детское наказание: Гонсало был насильно помещен под струю ледяной воды и отреагировал так, как реагируют на самое жестокое унижение. Но все же обнаружил удовольствие или новизну в том, чтобы щедро намылить свое тело и простоять час под водой из душа, которая тогда считалась неисчерпаемым ресурсом природы. И смирился с чистотой своего тела. Гонсало быстро оделся и, воспользовавшись солнечным днем, прилег на травке в сквере со своим альбомом для рисования. Он не стал строчить стихи, а остановился на предыдущем, многократно откладывавшемся этапе – выборе псевдонима.

⁷ Чилийская актриса и театральная режиссер итальянского происхождения. (Прим. ред.)

⁸ Чилийская актриса польского происхождения, известная также как Кэтти Ко. (Прим. ред.)

Идея обзавестись псевдонимом казалась ему банальной и неприятной. Тем не менее он считал себя обязанным пойти на это, потому что – хотя и прочел лишь несколько стихотворений тезки и однофамильца Гонсало Рохаса, которые, кстати, оценил как великолепные, – понимал: тот является одним из самых крупных чилийских поэтов, был признан в мире и только что получил Национальную премию по литературе и еще одну премию, очень важную, в Испании. Так что это имя было занято, а идея использовать фамилию матери, Муньос, тоже не представлялась возможной, поскольку был еще один поэт, Гонсало Муньос, гораздо менее известный, чем Гонсало Рохас, но наделенный таинственной авангардной аурой. Возможный вариант – подписывать договоры с издательствами от имени «Гонсало Рохаса Муньоса» – звучал слишком похоже на «Я не тот Гонсало Рохас». Словом, это было все равно что заранее признать свое поражение.

Он пытался последовать образцу Пабло де Роки, урожденного Карлоса Диаса Лойолы, который придумал себе говорящую фамилию (госа – «скала», «утес»). Однако на ум Гонсало приходили лишь смешные сочетания типа Гонсало де Рота (rota – «разрыв», «поражение»), Гонсало де Маасс или Гонсало де Рапе (rape – «морской черт») (да и те нравились ему мало). И тогда он склонился к поиску псевдонима в других литературных экосистемах, как это сделали в свое время Габриэла Мистраль и Пабло Неруда, лауреаты Нобелевской премии. Отбросив самые глупые варианты (Гонсало Рембó, Гонсало Гинзберг, Гонсало Пазолини, Гонсало Писарник), он составил шорт-лист псевдонимов – Гонсало Гарсиа Лорка, Гонсало Корсо, Гонсало Грасс, Гонсало Ли По и Гонсало Ли Мастерс, но не смог окончательно выбрать ни один из них. Уже вечерело, когда он придумал псевдоним Гонсало Песоа, что позволило ему почтить одновременно португальского поэта Фернандо Пессоа (которого он не читал, но знал, что тот великий) и чилийского поэта Карлоса Песоа Велиса (который ему очень нравился).

Через семь месяцев после разрыва Карле стали поступать заказной почтой длинные и забавные, основанные на вымысле письма Гонсало о том, что их любовная связь не исчерпана и что сейчас он совершает поездку по отдаленным странам и городам, таким как Марокко, Стамбул и Суматра, и даже посещает какие-то несуществующие места. У него был особый талант придумывать плотоядные цветы и хищных животных, к тому же он умело живописал стихийные бедствия. Свои драгоценные письма Гонсало подписывал собственным именем и сопровождал стихами под псевдонимом.

Новые творения Гонсало не соблюдали западных шаблонов, потому что вместо сонетов или романсов он обратился к сочинительству японских хайку, вернее, коротких стихотворений, которые он так называл (при этом Гонсало никак не связывал свою внезапную страсть к хайку с проблемами преждевременной эякуляции).

В первом письме было такое простое и, наверное, красивое стихотворение:

Ветер в деревьях
ты рисовала,
глаза прикрыв.

Менее запоминающимся был вот такой текст, включенный в письмо номер три:

Смутный полдень –
предатель утра,
возникший среди ночи.

В некоторых стихах бросалось в глаза отсутствие характерной для хайку созерцательной безмятежности, как, например, в письме номер девять:

Осенние листья опали,
а осень все тут,
подери ее черт.

В двенадцатом послании проглядывало неудачное стремление провести эксперимент, играя словами с наличием звука «р»:

Свое лицо
Карла увлажняет жидкой мазью
и кропляет редким отбеливателем:
желтком.

К четырнадцатому письму относилась эротическая импровизация:

Я пожирал
твои родинки
на левом бедре.

В последних письмах Гонсало юмор постепенно исчезал, что подтверждают эти мрачные, бесстыжие и, видимо, отчаянные строки:

Я был там,
внутри,
где ты
истекала кровью.

Всего насчитывалось семнадцать писем, которые Карла читала и перечитывала: они ее восхищали, но у нее хватило осмотрительности или мудрости не питать ложных надежд. Она не испытывала ни обиды, ни злости, ни чего-то подобного, однако отношения с Гонсало теперь казались ей бесцельной тратой времени. Между тем несколько ее подруг только что расстались со своими бойфрендами, и у одной из них возникла идея организовать встречу в стиле экзорцизма, на которой они совместно сожгут все фотки и прочие памятные вещи. Данная инициатива приобрела форму встречи за шашлыком, и в угли, обильно окропленные керосином, полетели десятки писем, открыток, использованных билетов в кинотеатры, в бассейны, на концерты, а также несколько плюшевых медвежат. Все это горело под задумчивыми взглядами девушек. Поначалу Карла не собиралась участвовать в подобной церемонии, но, в конце концов, под коллективным нажимом согласилась и бросила в огонь все письма и прочие вещи, напоминавшие о Гонсало. И даже подаренное им карманное издание романа Германа Гессе «Сиддхартха».

Сантьяго – город, разделенный на самостоятельные районы-коммуны и достаточно большой для того, чтобы не допустить случайной встречи Карлы и Гонсало. Тем не менее в один из вечеров девять лет спустя они все же встретились, и как раз благодаря этому наша история пополнится достаточным количеством страниц, чтобы считаться романом.

II. Приемная семья

Было почти четыре утра, звучала песня «Стоп» британского музыкального дуэта «Erasure», и около двух сотен энтузиастов, заполнивших зал, танцевали со всеми или никто ни с кем. Карла первой заметила его, торчавшего у бара, и, поскольку дискотека была популярна среди геев, подумала, что Гонсало вышел из туалета. Сначала это ее удивило и даже разозлило, но, немного поразмыслив, она решила, что должна была догадаться... и что она каким-то образом знала это всегда. И что это многое объясняет, хотя если бы ее спросили, что именно, она не нашлась бы что ответить.

Карла подошла к нему грациозной легкой рысцой, готовясь выслушать ошеломляющие, но убедительные признания, однако Гонсало набросился на нее и попытался увлечь в угол, где можно было пообщаться спокойнее. Увы, пробраться сквозь разгоряченную толпу оказалось трудно, так что они остались на танцплощадке, запутавшись в веселом подобии анархии.

– Я вовсе не гей! – воскликнул Гонсало, осознав возможную ошибку, и получил в ответ несколько испепеляющих взглядов, полускептических и полуразочарованных.

Возможно, и Карла тоже была слегка разочарована, ведь ей уже удалось вообразить, как она рассказывает подругам: ее первый парень, первый мужчина, с которым она переспала, которого она с ласковым сарказмом именовала «поэтом», оказался геем. Она даже подумала, что кто-нибудь из ее друзей может заинтересоваться свиданием с ним.

– Я тоже нет! – на всякий случай сказала Карла, хотя в те карикатурные годы коллективного невежества представление о том, что гомосексуальность не является исключительно мужской проблемой, только начинало укореняться.

Утверждать, что Карла и Гонсало пошли танцевать, прозвучало бы оскорбительно для настоящих танцоров, хореографов и учителей танцев, потому что на самом деле они просто двигались кое-как, и отсутствие неподвижности проявлялось в наборе сбивчивых «па». Карла поводила плечами относительно грациозно и синхронно, что создавало ложное впечатление об ее устойчивости и, следовательно, трезвости, Гонсало выписывал ногами подобие кренделей, как будто притворяясь пьяным, хотя в его случае в притворстве не было необходимости. Потому-то Гонсало не танцевал, а был, скорее, неподвижен, насколько может быть неподвижен опьяневший: споткнувшись, он обхватил талию Карлы, словно это был фонарный столб, а затем нагло обнял ее. Она собиралась оттолкнуть его, но захотела и, вероятно, должна была ответить на объятие взаимностью, поскольку уже давно никто не стискивал ее так порывисто и настойчиво. Или потому, что, ощутив тело Гонсало, почувствовала знакомый прилив горячей волны, а может, потому, что это объятие вернуло ее на девять лет назад. Да и вообще, кто знает почему? Просто мы должны исключить глупости вроде той, что Карла так и не забыла его – нет же, она сумела забыть о нем почти мгновенно. И давайте также отбросим воздействие спиртного, которое, конечно, имело место, но уже тогда, в самом начале XXI века, цинизм списывания абсолютно всего на пьянство вышел из моды.

Карла погладила длинные волосы Гонсало, чего никогда раньше не делала, потому что в годы, проведенные вместе, он неизменно носил короткую прическу, «по регламенту», как требовалось в его школе: на два пальца выше воротничка рубашки. Объятие соответствовало движениям, и вот уже зазвучала «Не могу выбросить тебя из головы» («Can't Get You Out of My Head») Кайли Миноуг, но им казалось, что они танцуют под бачату⁹ Хуана Луиса Герры или один из горячих хитов Чичи Перальты. Хотя временами грезилось – они исполняют какой-то вальс, будто жених и невеста, отвыкшие от серьезного поведения, торжественности и гламура и пытающиеся сейчас кружиться достойно.

⁹ Музыкальный стиль и танец Доминиканской Республики. (Прим. перев.)

За пару минут они перешли от похотливого танца к страстным поцелуям и тисканью друг друга в мужском туалете. Когда они вошли в единственную кабинку, к счастью, пустую, возник момент неуверенности, вызванная здравым смыслом короткая пауза, во время которой у Карлы мелькнула мысль: «Какого черта я тут делаю?», а Гонсало уже готов был предложить не запирается в вонючей кабине, а перебраться в его квартиру. Однако оба понимали, что если останутся для разговора, то чары рассеются. Между обменом избитыми фразами о воссоединении и возможным безответственным, неистовым и нелепым сексом оба выбрали второй вариант.

Карла вонзила зубы в шею Гонсало, которую он покорно подставил, как умирающий, но еще достаточно живой, чтобы ощутить задницу Карлы, которую он помнил или считал, что помнит, хотя она и показалась ему более округлой, твердой и роскошной. Он наклонился и, целуя ее промежность, стянул трусики и положил себе в карман, как трофей. Она тоже присела, а потом Гонсало встал и любезно помог Карле расстегнуть сложную застежку своего ремня. Она припала к его члену, правой рукой придерживая, а левой развязывая правый ботинок Гонсало, потом левый. Не переставая обездвиживать Гонсало облизыванием, сняла с него башмаки, брюки и трусы. Она бросила трусы в унитаз и потянула за смывную цепочку, не понимая, зачем это делает. То были небесно-голубые трусы с синей отделкой, которые ему только что подарили друзья на двадцать шестой день рождения, затащившие его на дискотеку – некоторые из них, между прочим, были одержимы желанием доказать Гонсало, что гетеросексуальность – что-то вроде хронического, но излечимого заболевания.

Увидев, что его любимые удобные трусы красивого дизайна отказываются тонуть в унитазе, Гонсало расхохотался, и Карла тоже рассмеялась, не выпуская его пенис изо рта. Тогда и он бросил ее трусики в унитаз и смыл воду, и они вместе, хохоча, пытались это сделать еще несколько раз, но не как пьяные или сумасшедшие, а, скорее, как маленькие дети, снова и снова забавляющиеся игрой.

– Давай сделаем это как следует, – вдруг предложила она, поправляя юбку и прическу.

Гонсало захотел поиметь ее как следует или сделать это более-менее, или хотя бы плохо, но прямо здесь и сейчас. И почти убедил Карлу, потому что они возобновили поцелуи, взаимное тисканье и продвинулись бы дальше, если бы не вмешался какой-то пьянчуга, забарабанивший в дверь кабинки, вопя:

– Эй, вы, там, уборная для всех, и трахаться хочется не только вам!

Карла и Гонсало, без нижнего белья, вышли ночью на улицу квартала Бельявиста. Оба все еще посмеивались и сохраняли значительный запас страсти. Им явно не терпелось поведать друг другу очень многое, но они предпочли молча впитывать в себя ночную тишину. Когда увидели группу панков, допивающих бутылку писко¹⁰ на мосту Пио-Ноно, Гонсало взял Карлу за руку, что показалось ей старомодным, комически галантным жестом, хотя ей и нравилось гулять с Гонсало рука об руку, вернее, вспоминать, как приятно бывало так с ним расхаживать. Панки, впрочем, даже не удостоили их вниманием, и Гонсало отпустил ее, но она удержала его руку.

– Мне нравится эта дискотека, только там я могу танцевать спокойно, не подвергаясь насмешкам, – сказала Карла, когда они вышли на площадь Италии и никто из них не знал, что же делать дальше.

– А мне она нравится как единственное место, где я чувствую себя по-настоящему желанным, – пошутил Гонсало, хотя и не было ясно, шутка ли это.

Настала пора прощаться; их встреча вполне могла претендовать на включение в список безумных ночей. Однако Гонсало напомнил, что живет в трех кварталах от площади, и Карла

¹⁰ Крепкий алкогольный напиток, разновидность бренди. Популярен в Чили и Перу. (Прим. ред.)

согласилась пойти к нему. Когда в молчании они преодолели три квартала, которых на самом деле оказалось семь, уже рассвело. В тех случаях, когда утренняя заря заставляла его идущим, Гонсало полагал, что существует какая-то связь между рождением света и процессом движения вперед, словно шагающий так или иначе отвечает за зарю, или наоборот – будто заря помогает перемещению ног по тротуару. Он собирался поделиться своим открытием с Карлой, хотя не был уверен, что сможет это доступно объяснить, опасаясь запутаться. К тому же чувствовал, что все сказанное способно испортить такой прекрасный и безрассудный рассвет.

А в квартире все произошло быстро и спокойно. Заперев дверь, он сразу же принялся за Карлу, причем без презерватива; она повисла у него на шее, и они кое-как добрались до кровати. Прикладывая губы к ее соскам, Гонсало заметил, что груди Карлы, кажется, увеличились; это ему понравилось и удивило, хотя он сказал себе: ничего странного, ведь тело со временем, конечно, меняется. И ее бедра действительно стали шире, а ноги чуть менее гладкими, и вообще она, пожалуй, не так худа, как девять лет назад.

Гонсало теперь совсем другой, размышляла в свою очередь Карла, ощущая внутри себя медленные и сильные движения: по меньшей мере, он стал мужчиной, умеющим хорошо «стрелять». Она почувствовала приближение оргазма, и сразу же появилось давнее опасение, что у Гонсало случится преждевременное семяизвержение. Поэтому наслаждение на миг отступило, но через пару минут вернулось, и тогда на нее обрушился оргазм; она даже не поняла, был ли он двойным или сильно затянулся.

А Гонсало уставился на пупок Карлы, который тоже показался ему изменившимся. Затем оторвал лицо от ее груди, поцеловал и осторожно лизнул пупок, скорее, чтобы лучше его разглядеть. И снова неуверенно предположил, что все-таки это какой-то новый пупок. Чуть ниже, в двух сантиметрах от лобка, Гонсало обнаружил едва заметный шрам от хирургической операции. Карла встала на четвереньки, и он снова мощно вошел в нее; их движения были в такт их стонам, при этом он разглядывал ее спину и талию с множеством прожилков. И тогда его осенило: изменившийся пупок, шрам, увеличенные соски и более полная грудь, а также, кажется, наличие прожилков вокруг груди, – все это может означать, что у Карлы есть ребенок, во что ему очень не хотелось верить, ибо это могло порушить все.

Гонсало отвлекся, как в те давние времена, когда применял метод доктора Вальдемара Пуппо, хотя на сей раз сделал это абсолютно невольно: уже не было необходимости думать ни о мире во всем мире, ни о музыке, ни о магнитных полях или романах Мариано Латорре. Он давно привык безошибочно справляться с проблемой и тем не менее распознал наступление нежеланного момента, который не смог полностью отменить настоящее, потому что их телодвижения и стоны продолжались, а его пенис сохранял стойкость. Но одновременно отчетливо возникло видение пляжа, на котором он гуляет под зонтиком от солнца и строит замки из песка, а также покупает пирожок с яйцом и мороженое сыну Карлы – безликому мальчику – и учит его плавать. Тут же в воображении Гонсало мальчик нарисовался крепко спящим в комнате с разбросанными игрушками, пока сам Гонсало собирает эти бесчисленные штуковины, валяющиеся на полу. Они с Карлой продолжали сношаться, хотя он уже представлял себе, что ее сын ведет себя ужасно, никого не слушается, у него плохие отметки в школе, он угрюм и дерзок, слишком часто закатывает истерики и кричит ему: «Ты мне не отец». Гонсало увидел себя в гостиной слишком ярко освещенного дома, в которой Карла дожидается, пока безликий мальчик перестанет дурачиться с хлопьями в тарелке и закончит свой завтрак. А потом они втроем бегут к станции метро, ребенок отпускает руку мамы и то забегает вперед, то отстает, потому что движется в ином, в своем собственном темпе, пока они втроем не втискиваются в переполненный вагон. Вот Карла с мальчиком выходят из поезда, а Гонсало проезжает еще несколько станций, потом очень быстро шагает один и даже пробегает несколько кварталов, чтобы не опоздать на какую-то дерьмовую работу, самую ужасную из всех, что можно себе представить;

на нежеланную работу, за которую ему приходится держаться, поскольку у него – сын, ибо у него – отпрыск, хотя на самом деле это вовсе даже не его сын.

Карла испытала новый оргазм и легла на спину, измученная и довольная. А у него, еще не кончившего, возникло предчувствие, что он лишается эрекции, и ему не хотелось, чтобы это заметила Карла. Так что после короткой паузы Гонсало вернулся к ее промежности и попытался сконцентрироваться только на том, чтобы доставить ей удовольствие, однако не смог помешать всплыть еще одной воображаемой сцене – на этот раз действие происходит на площади, где он играет в футбол с безликим сыном Карлы. Вот она, типично мужская затея: отец и его отпрыск или кто-то, кто считается таковым, гоняют мяч на площади. Сынок пытается преуспеть, но мяч скачет в разные стороны, отец радуется якобы достижениям ребенка и прибегает к позитивным стимулам. Дитя не забило гол, не сумело забить, еще даже не усвоило понятие гола, а папаша в любом случае восклицает, что его потомок поразил ворота, и громко празднует успех. Отец умело и ловко показывает, как правильно бить по мячу, ибо знает толк в таких вещах. Он позволяет себя обыграть, ведь, чтобы стать хорошим папой, нужно идти на уступки. Быть хорошим родителем значит разрешать детям побеждать себя до тех пор, пока не наступит день реального поражения.

Карла почти заснула, пока Гонсало возился между ее ног. Он прилег рядом, тоже собираясь поспать, однако минут через пять она взбодрилась и принялась ему мастурбировать и сосать. Гонсало сопротивлялся несколько секунд, будучи уже совершенно обессиленным, но она продолжала, и он отчаялся, будучи почти уверенным, что эрекция не вернется; во всяком случае, это казалось маловероятным.

Карла продолжала мастурбировать, не вынимая головку члена изо рта, и, хотя орган Гонсало уже не был таким стойким, как совсем недавно, он наконец эякулировал. Она сглотнула сперму, и они уснули в обнимку на серой простыне.

Гонсало проснулся в два часа. Солнечный свет заливал комнату так, что казалось, будто они на открытом воздухе; впрочем, на лицо Карлы падала легкая случайная тень. Он снова взглянул на шрам от кесарева сечения, на более широкие ареолы и более темные соски и убедился в наличии прожилки на груди. Ему не хотелось разглядывать ее тайком, и в то же время возникла мысль о праве на это, как будто, переспав с кем-то, приобретает право рассматривать чужое тело. Его взгляд не был безучастным или холодным, скорее дотошным.

Пока он шел к мини-маркету, радостное чувство вступало в конфликт с постыдным сознанием того, что он оставил Карлу взаперти, хотя она просто спала, а ведь спящий человек свободен всегда. Он накупил лепешек, галет и яиц, не забыв про ежевичный джем, потому что через какое-то время после обеда в доме Карлы было принято перекусывать, и на столе появлялся ежевичный или дынный джем. Потом Гонсало и Карла укрывались красным пончо и смотрели «мыльную оперу». Внезапно он вспомнил, как Карла облизывала карамельку на палочке, чтобы избавиться от косточек ежевики.

Гонсало быстро вернулся в квартиру. И снова подумал: я ее запер или только хотел запереть, ведь если бы оставил дверь открытой, все равно ничего бы не случилось. Потому что даже если бы воры проникли в его крошечную квартирку, они были бы разочарованы полным отсутствием добычи – ни телевизора, ни компьютера и уж конечно никаких драгоценностей или денег. А лишь соковыжималка, книги и наполовину исписанные тетради. Да еще плеер и несколько компакт-дисков, а также поношенное черное пальто. В любом случае, имей домошники всего лишь среднюю квалификацию, они без труда вскрыли бы замок обычным куском проволоки. И, войдя, обнаружили бы сюрприз – обнаженную женщину в постели, с тревогой подумал Гонсало и помчался вверх по лестнице, как мужественный киногерой, пытающийся успеть вовремя. Увидев спящую гольшом Карлу, он почувствовал себя вором, а ее представил

несчастной обитательницей этой квартиры. Впрочем, Карла априори не могла ютиться в такой каморке. Почему же? В том числе потому, что у нее есть сын, сын, сын.

Он осторожно лег рядом с Карлой и, прожевав галету, попытался вспомнить стихи Хайме Сазнса, Марианны Мур, Луиса Эрнандеса, Сантьяго Льяча, Вероники Хименес и Хорхе Торреса. Впрочем, сосредоточиться не смог: все эти стихотворения ему нравились, он прекрасно их знал, но теперь они выполняли функцию разве что легкомысленных журналов в какой-нибудь приемной. Он бросил взгляд на слегка крючковатый нос Карлы, на полукруглое лицо, на правую щеку без родинок, на левую, где их целых девять. И стыдливо вспомнил, что сочинил стишок, в котором сравнивал эту щеку с рассыпавшейся горстью земли после землетрясения. И тут же сделал вывод: Карла ему нравится так же сильно, как нравилась в шестнадцать – шестнадцатилетняя.

Гонсало решил, что готов к пробуждению Карлы и у него есть что ей сказать. Но когда она проснулась, у него не оказалось времени на припасенное многословие. Первым делом она спросила, который час, и отправилась в душ. Через пару минут появилась, не забыв завернуться баннным полотенцем фирмы Mazinger Z, единственным, какое было у Гонсало. Он вручил Карле пару своих трусов, которые ей не понравились, она потребовала что-нибудь покрасивее, и ему пришлось достать картонную коробку, в которой хранилась немногочисленная чистая одежда. Карла выбрала красные итальянские «боксеры».

– Мне почти подходит, – сказала она, стоя у стены, словно перед зеркалом.

Гонсало спросил, не хочет ли она перекусить; Карла призналась, что умирает от голода, но должна уйти через двадцать минут.

Пока она одевалась, он приготовил кофе, яичницу и поджарил хлеб. В гостиной-столовой-кабинете были стол, два стула и два переполненных книжных шкафа. Карла с любопытством взглянула на книги. То была самая маленькая квартира, которую она когда-либо видела, и все-таки ей тут понравилось, особенно когда она представила себе веселую и беспорядочную жизнь Гонсало, его самостоятельный, независимый, мужественный путь. Ведь, в конце концов, он настоял на своем, изучал то, что выбрал сам, и жил среди своих книг и бесчисленных тетрадей, наверняка исписанных лучшими стихами, чем те, что он сочинял в отрочестве.

– Похоже, ты все еще пишешь стихотворения, – сказала она.

– Да, – подтвердил Гонсало, которому, к счастью, и в голову не пришло прочесть ей какое-нибудь из них.

Он подавил свое желание дать ей пространный ответ и всего лишь кратко резюмировал: да, продолжает писать каждый день с обузданной страстью, но ничего из созданного ему не нравится. Гонсало протянул ей блюдо с джемом.

– В твоём доме всегда был ежевичный или дынный джем, – напомнил он.

Вот одна из фраз, которые он собирался ей сказать, воображая длинный и меланхоличный диалог с обменом воспоминаниями о тех годах. Гонсало считал, что им есть о чем потолковать, он помнил слишком многое, отчасти потому, что дорожил этими деталями, а отчасти – просто сумел удержать в голове, чтобы заполнить вакуум тысячей лишних образов, застрявших в его обильной машинальной памяти.

– Может, так оно и было, – ответила она. – Уже не помню.

– Мы всегда перекусывали хлебом с джемом. Твоя мама подавала его в белых фарфоровых чашках с голубыми рисунками животных. Львов, слонов. И жирафа.

– Я люблю ежевичный джем. Конечно, мне он всегда нравился, – сказала Карла, явно избегая продолжения беседы, поскольку у нее не было времени на ностальгию.

А ему хотелось, чтобы она осталась, он желал хотя бы прикоснуться к ней, потрогать ее плечи, волосы... Увы, это казалось невозможным – она явно спешила, и не только поэтому: Карла внезапно отдалилась от него, и расстояние между ними лишь увеличивалось.

– Как зовут твоего сына? – неожиданно спросил Гонсало, пытаясь преодолеть дистанцию теплой и непринужденной фразой, которая, тем не менее, прозвучала как вопрос следователя, чиновника или любопытного соседа.

Он не поинтересовался, есть ли у нее дитя, а воспринял это как само собой разумеющееся. А также, как само собой разумеющееся, предположил, что ее ребенок – мальчик. Гонсало полагал, что, сказав такое в лоб, выражает готовность начать все по новой или возобновить отношения с Карлой. Ему казалось, что тем самым он заявляет: ребенок – не помеха и он готов на все.

– Кто тебе это сказал?

– Да никто.

Карла вдруг ощутила гнетущее давление множества обращенных к ней пристальных взглядов. «Твое тело – тело рожавшей женщины», – будто бы кто-то, возможно, Гонсало или другой, незнакомый мужчина, заявил ей. Она представила себе, как Гонсало – глашатай множества мужчин, нагло, беспощадно и с насмешливым любопытством разглядывает ее. К тому же некоторые женщины тоже глазели, посмеиваясь или жалея с мрачной улыбкой на лицах. Мол, мы изучили все отметины на твоём теле, собрали всю информацию и сделали вывод: его что-то подпортило навсегда, должно быть, роды. Страдая от разоблачения, обвинений и оскорблений, Карла все же заглянула в глаза Гонсало и даже хотела поцеловать его веки, темные окружности глаз и укусить за нос. Она медленно жевала хлеб, чтобы продлить молчание и избежать ответа. Но хлеб кончился, а она продолжала хранить молчание.

– Сына у меня нет, – наконец сказала она. – У меня дочь, ее зовут Висента.

Конечно, Карла солгала, она была матерью мальчика по имени Висенте¹¹. Соврала инстинктивно, вероятно, чтобы доказать Гонсало, что он теперь не тот лучший студент курса, всегда имевший правильные ответы на все вопросы. Решила, что больше никогда его не увидит, так что ей не придется краснеть за свою ложь.

– А сколько ей лет? Три года? – спросил Гонсало.

– Шесть лет.

– А кто отец?

– Кажется, ты знаешь все, – ответила Карла, не пытаясь скрыть иронию. – Как ты думаешь, что случилось с ее отцом?

– Ты больше не с ним.

– Угадал, – призналась Карла.

– И все-таки имя у нее необычное – Висента, – заметил Гонсало, чтобы смягчить возникшую напряженность. А сам подумал, что это ужасное имя.

– Да, имя странное, но мне нравится, – сказала Карла.

– А Висента сейчас с папой?

– Нет, – коротко ответила Карла. – Папы больше нет, а Висента сейчас с моей мамой. И мне уже пора.

Она обняла его, как друга, и ушла.

Карла даже не удосужилась дать ему номер своего телефона, который в последующие недели Гонсало тщетно пытался раздобыть, пока ему не пришло в голову позвонить по прежнему номеру, тому самому, последние две цифры которого он когда-то угадал и все еще знал

¹¹ Висента – женское имя, Висенте – мужское. (Прим. перев.)

наизусть, так как набирал его чаще любого другого. Ему ответила Карла, по-прежнему жившая в том же доме, но теперь вдвоем с Висенте. У них состоялся напряженный и отчасти старомодный диалог, ведь время долгих бесед по стационарным телефонам ушло в прошлое.

– Я хочу с тобой увидеться, – в сотый раз повторил Гонсало в конце разговора, вынужденный пойти ва-банк.

– А я не хочу тебя видеть, но желаю, чтобы ты поимел меня в зад, – заявила она с игривой вульгарностью. – Вот ради этого нам и придется встретиться.

Так что первые два свидания вылились всего лишь в сексуальные контакты. Во время третьего поговорили немного больше, особенно о дочери – Карла рассказала о платьях, которые она покупала ребенку, о том, как девочке нравится ее комната в розовых тонах со стенами, увешанными изображениями фей и принцесс, и о том, что Висента, как все утверждают, – вылитая Карла. Гонсало явился на четвертое свидание в итальянский ресторан с подарком для девочки: куклой с запутанными черными косичками, которая, как ни странно, очень понравилась Висенте. Только на пятом свидании, в квартире Гонсало, Карла сказала ему правду, но сделала это из предосторожности, после того как они завершили половой акт: в какой-то момент она подумала, что он разозлится или не поверит, что она тогда солгала. Но Гонсало не осерчал, он все понял и даже, сам не зная за что, извинился.

– И ему шесть лет, так ведь? Или ты наврала мне и о возрасте?

– У тебя есть виски? – спросила она чуть более серьезным тоном.

– Есть приличное красное вино.

– Налей-ка мне.

Пока Гонсало откупоривал бутылку, Карла надела трусы и футболку, словно внезапно ее обуяла запоздалая стыдливость. Осушив бокал, она сразу же потребовала налить еще; казалось, ей необходим весь алкоголь мира, чтобы произнести следующую фразу. Она приложила руки к лицу, как будто у нее заболели глаза, прежде чем выпалить:

– Висенте – твой сын. Когда мы расстались, я была беременна, но решила, что нет смысла сообщать тебе об этом.

Наступило долгое молчание. Гонсало застыл, он был потрясен и немного обижен, но в то же время испытывал что-то вроде воодушевления. Потребовалось бы много прилагательных, чтобы выразить его чувства. Внезапно ему явилось видение сына неопределенного возраста, почти подростка. Он представил себе, как встречает его ледяное враждебное приветствие, и тут же почувствовал себя глупцом, когда Карла не выдержала и разразилась приступом смеха.

– Так, значит, это шутка, – тихо произнес Гонсало.

– Ну, конечно, шутка, Гонса, – призналась Карла, откашливаясь и пытаясь вернуть себе серьезный вид. – Мальчику шесть лет, я тебе не соврала о возрасте. И, разумеется, он не твой сын.

Гонсало счел столь прямолинейную фразу оскорбительной. «И, разумеется, он не твой сын», – повторил про себя, словно записывая мрачную мучительную информацию.

– Я просто хотел тебе сказать, что мне не важно, есть ли у тебя ребенок, и что я готов на все, – пояснил Гонсало.

– И ты по-прежнему готов?

– Да, – без колебаний ответил он.

Они условились, что шестое свидание состоится в перуанском ресторане недалеко от дома Карлы. Гонсало зашел за ней точно в назначенное время, но она попросила его подождать за изгородью: очевидно, не хотела, чтобы он увидел Висенте. По крайней мере, пока дело не примет серьезный оборот, хотя сама и не была уверена, что хочет чего-то серьезного. Словом, просто не знала, готова ли она к чему-то новому. Гонсало в течение пяти минут пялился на фасад дома, пожалуй, против собственного желания, будто вынужденно перелистывал стра-

ницы ежегодного школьного альбома. Картинка точно совпадала с той, что хранила его память, только лимонное дерево теперь почти полностью закрывало палисадник, и ему показалось, что оно – взрослый человек, загнанный в колыбель младенца. Он все еще разглядывал окружающее, как художник, обдумывающий будущее полотно, когда Карла позвала его подождать в гостиной, поскольку няня немного запаздывала.

Там вместо громоздкого кожаного дивана, на котором они так часто сживали, укрывшись пончо, теперь стояли два кресла и огромная серая софа, заваленная зелеными и синими подушками. Стены по-прежнему белого цвета, но белизна показалась Гонсало более чистой и холодной, то есть еще более белой. Он вспомнил репродукции знаменитых картин, которые раньше висели на главной стене – Веласкеса, Ван Гога, Карреньо, – а теперь их заменяли аккуратно оформленные, но не очень качественно отпечатанные фотографии Серхио Ларраина. Вместо подвесных светильников стояли торшеры, а черно-красный арабесковый ковер, некогда придававший гостиной изящную торжественность, уступил место холодному полу из красной плитки. У Гонсало возникло впечатление, что он вошел в знакомый, но полностью перестроенный музей, частью которого, в некотором роде, он тоже является. Сидя на краешке кресла, Гонсало выглядел тем, кем был на самом деле – женихом, и ему не хватало только букета в руках.

Со второго этажа доносились голоса Карлы и Висенте, вкуче походившие на двусмысленное сообщение, неразборчивое, но в то же время вроде как ободряющее: намек на приветствие. Затем голоса стихли, и Гонсало подумал, что ему знакома эта тишина клаксонов, лая и пения дроздов. Ему потребовалось некоторое время, чтобы заметить присутствие Висенте, который стоял на верхней части лестницы и смотрел на пришельца.

Высокий худощавый большеголовый мальчик с огромными черными влажными глазами, жующий или, вернее, смакующий горсть кошачьего корма: таким был первый образ Висенте, представшего перед Гонсало. Неуверенными, но игривыми шажками мальчонка спустился по лестнице, и «жених» приветствовал его с преувеличенной и вымученной радостью, которая свойственна тем, кто не привык иметь дело с детьми. Висенте не удостоил его ответом, однако озорно взглянул на гостя и приблизился, чтобы церемонно предложить ему немного своего лакомства. Гонсало не знал, что это корм для кошек, и, проявив вежливость, положил себе в рот нечто похожее на печенье или хлопья. Его тут же чуть не вырвало, а мальчик изобразил изощренную улыбку опытного проказника.

К тому дню Карла уже некоторое время боролась с пристрастием сына к кошачьему корму. Сначала ее беспокойство вызывал не ребенок, а странная худоба черной кошки по кличке Оскуридад, обладательницы на редкость больших клыков. На ее «удочерении» настоял Висенте. Очевидная гипотеза состояла в том, что чужой кот умеет проникать в дом и ворует еду у Оскуридад. Карле стоило немалого труда обнаружить, что кот на самом деле – Висенте, потому что ребенок проявлял осторожность и предусмотрительно чистил зубы сразу после ежедневного банкета из кошачьих сухарей. Ничего не подозревавшая Карла хвасталась: ее сын без напоминаний чистит зубы, и только когда учительница сообщила, что Висенте приносит кошачий корм в качестве завтрака да еще нахваливает его другим детям, она поняла внезапное пристрастие сына к гигиене зубов. Карла срочно попыталась искоренить вредную привычку, но Висенте отказывался есть что-либо другое. Врач объяснил Карле, что проблема эта довольно распространенная и что встречаются – пусть и реже – дети, пристрастившиеся к корму для собак, поскольку он более жесткий и, видимо, значительно менее приятный для вкусовых ощущений человека. По словам доктора, в кошачьем корме нет ничего такого уж токсичного или вредного, хотя, конечно, это вовсе не самое сбалансированное питание в мире. Единственная реальная опасность, предупредил медик, – кошачьи микробы. А отучать ребенка от дурной

привычки нужно постепенно, сокращая дозу, как если бы речь шла о пристрастии к шоколаду, сладкой вате или пьянящему аромату клея.

Так что отныне каждый день Висенте получал вместе со своим ванильным молоком и лепешкой с авокадо неуклонно уменьшающуюся горсть «Вискаса». План рациона учитывал также предпочтения мальчика в еде: от «Вискаса» с лососем, который он, несомненно, любил больше, перешли к корму с мясом, а потом – с курицей, которая нравилась ему меньше всего, что любопытно, ведь, когда дело доходило до «настоящей» еды, Висенте предпочитал курицу мясу, а мясо лососю.

– Теперь я даю ему только немного «Вискаса» с курицей, – пояснила Карла, пока они с Гонсало уплетали севиче¹² в перуанском ресторане. – Надеюсь уже через несколько недель полностью исключить корм из его питания.

– Вообще-то мне не было противно, но застало врасплох, я ожидал чего-то сладкого.

И сразу же, чтобы сменить тему, Гонсало добавил:

– Знаю, ты не хотела, чтобы я встретился с Висенте.

– Да, не хотела, но, наверное, чему быть – того не миновать, и так должно было случиться, – ответила Карла, словно сама себе.

– Так – это как?

– Без лишних раздумий.

На протяжении следующих недель, прогуливаясь в парке и лакомясь фисташковым мороженым, они начали набрасывать черновик своих семейных отношений, хотя и не были уверены, что он превратится в соответствующую книгу. Гонсало выглядел более восторженным; впрочем, оба вели себя, как писатели, которые, вместо того чтобы погрузиться в трудоемкие изыскания, просто продолжают работать, в надежде, что обилие текста выльется, в конце концов, в несколько приличных страниц. Не существовало никакой причины возвращаться назад или что-то корректировать, или менять размер шрифта, ведь они отлично проводили время и часто смеялись, что было самым желанным, особенно для Карлы. Да, она вернулась, прежде наивно увлекшись жалким субъектом, который сделал ее матерью ребенка, в свою очередь превратившего Карлу в кого-то вроде одинокой добровольной рабыни. Своего сына она обожала, но его появление уничтожило представление о будущем, перспективу, по правде говоря, до конца так и не продуманную или продуманную зыбко, с причудливыми последствиями. Оказавшись загнанной в угол обстоятельствами, она сформулировала новое представление о своем будущем, гораздо более точное, которое не включало в принципе любовь, по крайней мере, ее бурно-дестабилизирующе-страстную разновидность. Кроме того, Карла не занималась поисками отца для своего ребенка или чем-то подобным, а скорее наоборот: воображала себя одинокой, с заваливающим любовным приключением вне своего дома, и сосредоточенной на работе и на сыне, – кажется, именно в таком порядке. Впрочем, в то время у нее даже не было нормальной работы. С девяти до пяти она служила секретаршей в юридической фирме своего отца, и хотя ей было не так уж непереносимо отвечать на телефонные звонки, организовывать встречи, обновлять картотеки при неплохой зарплате, числиться секретаршей у отца она считала ежедневным унижением, иногда казавшимся ей заслуженным и почти всегда необратимым.

Внезапное вторжение Гонсало нарушило ее планы. Она не думала, что любит его, хотя не смогла бы и полностью отрицать это. Во всяком случае, Карла не сомневалась, что ей требуется его общество, она хотела видеть его рядом и как можно ближе, тем более что он отнюдь не сопротивлялся. Так что, вероятно, если бы кто-то заставил ее ответить, влюблена ли она, то Карла сказала бы – да, хотя бы для того, чтобы оправдать свои решения, всегда слегка затуманенные сомнениями, что звучит плоховато, ну да ладно, ведь все способно отбрасывать тень.

¹² Национальное блюдо Перу из свежей сырой рыбы. (Прим. перев.)

А что касается Гонсало, то он не только заявил бы о своей любви к Карле, но и провозгласил бы о ней на все четыре стороны. Хотя временами и опасался, что неожиданная семейная жизнь навсегда похоронит его проекты, которые теперь не были столь глупыми и вызывающими, как в подростковом возрасте. На факультете ему удалось заполучить пару стипендий, но все равно он должен был учиться в университете в кредит и потому брался за любую работу – телефониста, курьера, почтальона, писаря-призрака для неграмотных студентов, сочинял рекламные брошюры для сети аптек... Вместо того чтобы заниматься поэзией в университете, Гонсало посвятил себя обучению способам успешной сдачи вступительных экзаменов. Он продолжал планировать свои поездки и будущие книги; тем не менее его главной мечтой стало получить работу, тесно связанную с литературой. А также меньше зависеть от чудесной и в то же время кровавадной кредитной карты, которую он получил в результате того, что расплакался перед сострадательным или рассеянным менеджером банка. Гонсало по-прежнему стремился к достижению хоть какой-то значимости, и его любовь к поэзии оставалась в целостности и сохранности, пусть он уже и не грезил стать Пабло Нерудой, Пабло де Рока или Никанором Пáрра, или даже Оскаром Аном, или Клаудио Бертони. Теперь он пытался прослыть хорошим поэтом, не более того; хотел, чтобы его стихи появились в сборниках, быть может, не во всех, но в некоторых, и главное – в хороших.

В первые ночи, когда Гонсало оставался до утра в доме Карлы, было очень трудно заниматься сексом, или, скорее, по шутливому выражению Гонсало – «качественным сексом». Как и многие матери-одиночки, Карла долгое время спала с сыном, и хотя она начала отучать его от этого за несколько месяцев до новой встречи с Гонсало, получалось не слишком. Мальчик спускался к ним среди ночи и укладывался в постели между матерью и Гонсало, как меч, отгораживавший Тристана от Изольды. Возникавшая эдипова борьба включала ворчание, шлепки, пинки и даже удары головой, однако боевые действия прерывались в светлое время суток, потому что с первого же дня Висенте увидел в Гонсало подходящего товарища по играм и почти забавного дружка. Поскольку своей семьи у Гонсало не было, он надолго задерживался в их доме, оставался на ночь. И каждый раз в таких случаях мальчик казался удивленным. Появление двуспальной кровати разве что изменило масштаб поля битвы. Если бы матрасник был картой, то Висенте представлял бы собой что-то вроде маленькой и воинственной средиземноморской страны, которая, однако, служила причиной постоянных раздоров между великими державами. Причем иногда дискуссии обострялись: хотя теоретически Карла была заинтересована в сексе даже больше, чем Гонсало, он утверждал, что она ничего не делает ради приближения удовольствия. Наиболее спорным моментом стал категорический отказ Карлы не только запира́ть дверь на замок, но и полностью закрывать ее из опасения, что не услышит вовремя зов сына.

За исключением редких ночей, когда родители Карлы брали Висенте к себе (теперь они жили в просторной квартире в районе Нуньоа), и утренних визитов в мотели (кстати, гораздо более приличные, чем те, где проходили их первые встречи), Карла и Гонсало были вынуждены заниматься любовью в напряженной, целомудренной тишине и в не слишком изобретательных позах. К тому же вторая – или предпоследняя – ступенька лестницы, которая во времена свиданий под пончо служила им дозорным, уже не работала. То есть теперь она работала правильно, так как перестала скрипеть под ногами. И первое, что сделал Гонсало, когда почти ровно через год после их воссоединения официально въехал в дом Карлы, это немного ослабил крепление доски, однако не добился желаемого результата: ступенька отказывалась скрипеть. Гонсало перепробовал самые разные шурупы на всех досках лестницы, но безуспешно. Одно субботнее утро он посвятил сборке ожерелья из колокольчиков, которое мальчик с радостью водрузил себе на шею. А шокированная Карла гневно заявила: «Мой сын тебе не кот». В качестве последнего средства Гонсало прикрепил ожерелье скотчем на край ступеньки и сразу же

убедился, что даже если взрослый человек осмелится отбивать чечетку или исполнит другой похожий танец, эта чертова ступенька издаст лишь робкий тихий звук, абсолютно недостаточный для своевременного сигнала.

Гонсало мечтал о возможности оставлять Висенте в доме его отца хотя бы на некоторые выходные. Это казалось ему самым простым выходом из положения, но Карла не желала говорить с Леоном. Они не виделись много лет и редко разговаривали по телефону: общение ограничивалось лаконичными электронными письмами и не всегда пунктуальными переводами отцом скудной суммы на сберегательный счет матери. Вот и все взаимодействие.

Договоренность избегать друг друга идеально действовала с самого начала. В дни свиданий ребенка с отцом Карла отвозила Висенте в дом его бабушки и дедушки по отцовской линии и сигналила клаксоном пять раз подряд, чтобы бабушка вышла забрать внука. А Леон возвращал его в семь вечера в этот же дом, перед которым в восемь вечера Карла опять останавливалась и снова бибикала пять раз. Бабушка выводила мальчика из дома и оставляла его у ворот, приветствуя Карлу поднятием бровей, дабы продемонстрировать ей свое пренебрежение. Когда в этой истории возник Гонсало, протокол поведения усовершенствовался, поскольку он стал ответственным за доставку ребенка в дом его бабушки и дедушки по отцовской линии.

Однажды утром Гонсало решил, не посоветовавшись с Карлой, предложить Леону новое соглашение. Вопреки привычному протоколу, он вышел из машины вместе с Висенте, позвонил в дверь, вошел в дом и стал настырно дожидаться своего вероятного соперника, который запаздывал. Мальчик отправился во внутренний дворик, чтобы поиграть с Адамо, невыносимо скулящей таксой. Гонсало смотрел на них в окно, и ему показалось, что Висенте – самый красивый мальчик, а Адамо – самый уродливый пес на свете. Было непонятно, когда же нагрянет Леон. Впрочем, Гонсало заранее приготовился к длительному ожиданию: в рюкзаке лежали объемистая антология современных французских поэтов и полторалитровая бутылка минералки, поскольку он догадывался, что старики не предложат ему и стакана воды. Как вдруг через полчаса явился отец Леона с банкой газировки Bilz и с тремя крекерами на тарелке. И хотя старик даже не поздоровался с ним, Гонсало оценил этот жест как достаточно вежливый.

Присутствие Гонсало застало врасплох и удивило Леона. Во время разговора он нарезал салями на дольки, и вначале темой был вкус этой колбасы, а не новый режим посещения дома. Леон использовал нервозность Гонсало, не проявившего умения вести беседу, цель которой для Леона была очевидна: бедняга всего-навсего добивался возможности получить доступ к нормальной половой жизни.

Когда Гонсало осмелился, наконец, выступить с предложением, от салями осталось менее четверти.

– Каждые вторые выходные, – заявил он, пытаясь озвучить свою инициативу твердым, но разумным тоном.

– Нет уж, приятель, – отреагировал Леон, – только один уикэнд в месяц.

– Ну, тогда три дня ежемесячно. В субботу или воскресенье, а потом в субботу и воскресенье.

– То есть два уикэнда в месяц, один неполный, а другой полный?

– Именно так, – подтвердил Гонсало, улыбаясь уголками губ.

– Размечтался, чувак, мне такое не в жилу. Одни выходные в месяц, соглашайся или выметайся.

– Ладно, но тогда с пятницы по понедельник. Забираешь его из школы в пятницу после обеда и оставляешь там же в понедельник утром.

– По рукам, приятель, – согласился Леон.

Вдобавок, будучи абсолютно уверенным в своей победе, Леон затронул вечный спорный вопрос о дополнительных расходах на мальчика – и они решили покончить с этим, обсудив дележ затрат на его одежду, школьные учебники и внеклассные занятия, которые на самом деле ограничивались несколькими довольно дешевыми уроками плавания.

Карла восприняла известие, что Висенте станет проводить целый уикэнд в доме Леона, как ужасное и сразу же завела утомительный разговор, первый по-настоящему серьезный и первый же, в котором верх одержал Гонсало. Он утверждал, что мальчику будет полезно лучше узнать своего отца (фраза «узнать, кто его отец на самом деле» стала козырной). Карле пришлось смириться с тем, что ребенку предстоит нескончаемый марафон гамбургеров и мультфильмов по телевизору. Да и Гонсало подумал, что ему будет не хватать Висенте, которого он начинал любить как собственного сына или так, как, по его мнению, должно любить собственного отпрыска. Впрочем, одновременно он испытывал и понятную эйфорию.

В первые выходные в отсутствие Висенте они строго следовали плану Гонсало. Пятничным вечером предавались намеченным сексуальным играм, и все-таки вечер стал запоминающимся. В субботу позавтракали суши в постели и провели день за просмотром второго сезона телесериала «Клан Сопрано» на диске, а потом долго принимали ванну в ожидании (1) приезда ее друзей-геев + его друзей-геев и (2) ее незамужних подруг + его друзей-поэтов (все они были гетеросексуальными холостяками и холостячками). И ведь требовалось попытаться каким-то образом состыковать их, что прекрасно сработало в отношении (1) и очень плохо касательно (2).

К концу ночи Гонсало и Карла были пьяны в стельку, и рассвет застал их спящими на софе. В воскресенье (начавшееся, строго говоря, в два часа дня), после такой попойки, они дали друг другу обещание никогда не перебарщивать, но тем не менее им очень понравилась эта доза безответственности, к тому же они насладились ролью гостеприимных хозяев. Им уже надоели бизнес-ланчи, пикники и барбекю, которые прежде были присущи светской семейной жизни. Меньше всех была довольна Оскуридад, которая возненавидела вторжение друзей и длительное отсутствие Висенте, а также, кажется, не одобряла внезапную похотливость, воцарившуюся в доме. В семь вечера, по завершении неторопливого совокупления, как и подобает выздоравливающим парам, Гонсало вошел в ванную и вдруг заметил, что кошка пристально глазеет на его пенис. Сначала он смутился и прикрыл детородный орган, но тут же рассмеялся и даже покачал бедрами, чтобы Оскуридад смогла рассмотреть его член и яички, а потом заплясал и запел под бдительным оком животного нечто вроде тарантеллы. Карла мигом включилась в танец, и если бы кто-то их увидал, решил бы: вот оно, счастье – бесконечно плясать голышом даже без музыки.

Через год, в марте 2003-го, Карла смогла-таки возобновить учебу. Сначала она подумывала продолжить занятия психологией, однако предпочла поступить на курсы фотографии в одном из учебных заведений, поскольку занятия были краткосрочными, а ее пристрастие к фотографированию – одним из немногих постоянных увлечений в жизни. Отцу выбор дочери не понравился, но он, в конце концов, смирился и позволил Карле покинуть должность секретарши в своей фирме, предоставив расплывчатую роль помощницы на полставки. Так что вклад Гонсало в материальное благополучие семьи стал ключевым, потому что ему удавалось координировать свой плотный график работы преподавателя-почасовика – он трудился сразу в трех колледжах и читал вводный курс по литературоведению в частном университете – с еще более напряженным распорядком Карлы. Она делила свой день между юридической фирмой и курсами, где училась в основном по вечерам, а также по субботам. Большинство контактов сына с матерью состояло из мимолетных разговоров в полусне за завтраком.

До сих пор в отношении мальчика Гонсало придерживался удобной роли старшего брата, снисходительного дяди или закулисного клоуна. По той же причине первые месяцы его шефства над Висенте оказались катастрофическими. Помогая ему делать домашние задания, Гонсало тоже чувствовал себя ребенком, которого заставили этим заниматься. Правда, кое-что давалось ему легко, он обладал некоторым поварским талантом и даже счел интересным трудное овладение искусством глажки – утверждая, что гладить рубашку гораздо сложнее, чем сочинить стихотворение на две рифмы из шести строк. Однако следить за поведением ребенка в целом ему было трудно: Висенте вел себя, как хитрая и капризная белка или как узник-рецидивист, решивший бросить вызов новому неопытному охраннику. Еще более сложными выдавались дни, когда ребенка без видимой причины покидала жизнерадостность, и он становился сентиментальным динозавриком. Тогда Гонсало прибегал к приманке в виде пиццы и пытался его разговорить, но получал в ответ лишь молчаливую улыбку. Труднее всего было восполнить или скрыть отсутствие Карлы; временами это удавалось, хотя с приближением ночи неумолимое поражение становилось неизбежным. Так или иначе, главным вызовом стала попытка заставить Висенте заснуть, поскольку он обладал феноменальной игривостью, а сказки, которые Карла обычно читала ему на ночь, теряли свою прелесть в устах постороннего дядьки, которому они служили лишь предлогом для предстоящих любовных утех, для драгоценной рутины интимной близости.

– Не хочу, чтобы ты мне читал, – как-то вечером сказал мальчик. – Один я засыпаю лучше. Или читаю сам. Недавно я научился читать.

– Но ты не собираешься спать, я же вижу.

– Не собираюсь, но хочу побыть один.

Дитя не пыталось злить Гонсало, но его присутствие у изножья детской кровати воспринималось как насмешка. Поэтому взрослому лучше было отступить.

– Ладно, не буду тебе читать, – сказал Гонсало, – но останусь здесь, пока ты не заснешь.

– А зачем?

– Чтобы побыть с тобой.

– Ну, тогда подстриги мне ногти.

– На ногах?

– Да, а на руках я обгрызаю.

– Ногти есть нельзя.

– А я ем.

Никогда прежде Висенте не просил подстричь ногти на ногах – они ему совершенно не мешали, хотя были такими длинными, что это мешало носить ботинки. Гонсало занервничал, раньше стричь ногти Висенте или кому-то еще ему не приходилось, да и себе он обрезал их кое-как.

– Хочешь я научу тебя? – спросил он мальчика.

– Нет, ты сам давай.

И Гонсало с крайней осторожностью принялся за неожиданную работу. Маленькие ножки Висенте показались ему огромными. И почему у пальцев нижних конечностей нет названий? Внезапно ему показалось невероятным и даже несправедливым, что никто не додумался их как-то окрестить. Но в то же время Гонсало засомневался: может, он просто не знает названий?

– Все-таки я расскажу тебе одну сказку, – предложил он, почти закончив свою работу.

– Расскажи лучше смешную историю, – потребовал Висенте.

– У меня есть для тебя смешная сказка, очень забавная.

– Нет, лучше шутку.

– Ладно. Так вот: гадалка встречает на улице другую гадалку и спрашивает: как у меня дела?

Висенте преувеличенно громко засмеялся, словно подставной зритель, хотя не факт, что он понял шутку.

– Давай еще, – попросил Висенте.

Гонсало знал много разных анекдотов и умело их рассказывал, но теперь не мог вспомнить ни одного. И ему до смерти хотелось курить.

– Ладно, только тебе придется немного подождать, я мигом вернусь, – пообещал Гонсало.

Было почти десять вечера, а Карла обычно возвращалась в половине девятого. Что будет, если она не вернется, подумал Гонсало, куря в палисаднике. Он всегда представлял себе самое худшее, почти мастерски умел воображать ужасные сценарии, отчасти потому, что надеялся: предвидя боль, сможет ее избежать. Ведь обычно не случается ничего страшного, когда мы думаем, что оно произойдет, и, когда крутим баранку, размышляя об ужасных авариях, ничего такого не происходит. А когда кто-то опаздывает так сильно, что мы уже решаем: он никогда не вернется, бывает, что человек этот внезапно приходит, и тогда нам трудно признаться, что всего несколько минут назад мы считали, что он уже не объявится. Звучит преувеличенно, но так оно и есть.

Как раз в этот момент, словно желая подтвердить его гипотезу, появилась Карла и сразу же поднялась в комнату сына.

Гонсало остался во дворе, закурил вторую сигарету и все думал о том, что же будет, если когда-нибудь Карла не вернется, если она умрет. Он вообразил, что Висенте уже подросток, и они вдвоем продолжают жить в этом доме после нескольких лет пребывания в глубокой печали. Ему представилось, что они сдружились, иногда обсуждают футбольные матчи, или литературные произведения, или любовные отношения, навеки объединенные привычной скорбью. Даже мелькнуло видение: они красят дом; Висенте лет пятнадцать-восемнадцать, он выше Гонсало. Солнечным утром они взялись за малярные кисти и принялись мазать фасад. Ненадолго прекращают работу, чтобы разделить хлеб с сыром и выпить лимонада. Слушают новости по радио и курят, или дружно кашляют, или что-то насвистывают. Их одежда в пятнах, плечи побаливают.

Гонсало собирался с силами, чтобы помыть посуду, когда на кухню вошла Карла.

– Висенте не желает спать, он говорит, что ты обещал ему смешную историю.

– Иду.

Он поднялся по лестнице через две ступеньки, вполне довольный собой. Оскуридад дремала у изножья кровати и, увидев Гонсало, медленно зевнула, а потом начала очень энергично вылизываться. Мальчик действительно бодрствовал.

– Один отшельник встречает на улице другого и не здоровается с ним, потому что оба они – отшельники, – симпровизировал, наконец, Гонсало.

– Совсем не похоже на шутку.

– Да нет же, это шутка, – настаивал Гонсало. – Неудачная, но все-таки шутка.

– А дальше что?

– Тут и шутке конец.

– Ну и глупость.

– Ладно, продолжу. Когда отшельник возвращается домой, он вспоминает того, другого, и жалеет, что не поздоровался с ним. Поэтому хочет увидеть его снова.

– И снова с ним встречается?

– Да, но через несколько дней, когда они сталкиваются случайно.

– А где?

– На пляже.

– На каком еще пляже?

– На пустынном.

– А как он называется?

– Пляж Отшельников.

– И там полно одиночек?

– Нет, каждый день туда приходит только один отшельник. Но в то утро случилось так, что там оказались двое.

– А теперь они поприветствовали друг друга?

– Конечно.

История эта была намного длиннее или, возможно, состояла из нескольких сюжетов с одними и теми же главными героями:

– Отшельник номер 1 пригласил отшельника номер 2 разложить пасьянс, но, поскольку это карточная игра, в которую играют в одиночку, они решили сесть за соседние столы, каждый со своей колодой карт, не разговаривая и не глядя друг другу в глаза, хотя иногда они здоровались друг с другом, всего лишь поднимая брови.

– Отшельник номер 1 и отшельник номер 2 затеяли спор, кто из них первый, а кто второй, и, по логике вещей, ни один из них не хотел быть отшельником номер 2, потому что присутствие отшельника номер 2 предполагало существование отшельника номер 1 и, следовательно, более полного одиночества.

– После очень длительного жениховства отшельник номер 1 решил жениться на самом себе, а на свадьбу пригласил только отшельника номер 2, который оставался одиноким.

Висенте громко хохотал, рассказ длился почти час, и казалось, мальчик теперь вообще не заснет. Однако рассказчик искренне радовался своему неожиданному крупному успеху, хотя потом и сам долго не мог уснуть.

Иногда Гонсало злился на себя не совсем за то, что Висенте не был его сыном, а за слишком поздним знакомством с ним. Ему казалось, что он попал на середину сезона в телесериале, все равно приятном и понятном, однако некоторые детали внезапно свидетельствовали, что в пропущенных навсегда сериях содержались все ключевые моменты сюжета. Гонсало полагал, что Висенте уже полностью сформировался; правда, неизвестно, хорошо или плохо, но в будущем мальчик все-таки сохранит основные качества. Карла поведала Гонсало о тяжелом периоде бесконечных пеленок, изматывающих истерик, постоянных капризов и страхов, а он молча думал: если бы это выпало и на его долю, все было бы иначе. И иногда с абсурдной меланхолией винил себя в том, что объявился слишком поздно.

Воспитание Висенте – это был серьезный вызов, но благодаря сомнениям, ошибкам и историям про отшельников Гонсало удалось справиться. Каждый день они ходили куда-нибудь вместе, иногда в кино (посмотрели фильм «В поисках Немо» аж четыре раза), или катались на лодке в лагуне Межкоммунального парка, или отправлялись за покупками. В супермаркете, который посещали каждую субботу, покупали продукты, не задумываясь ни о цене, ни о качестве: выбирали моющее средство в самой яркой упаковке или отбеливатель с самым смешным названием. Денег у них было немного, но они покупали все подряд – деликатесы, «Нутеллу», сыры, колбасы, разные каши и экзотические импортные фрукты, которые, по правде говоря, не очень-то им нравились. Звездным моментом становилась, естественно, прогулка по отделу игрушек, потому что Висенте получал от Гонсало гораздо больше подарков, чем от матери. Впрочем, однажды ребенку по необъяснимой причине ничего не захотелось. Он шагал между стеллажами с задумчивым видом, и хотя в какой-то момент вроде бы выбрал себе баскетбольный мяч, которым несколько раз умело ударил по полу, вдруг неохотно, но вызывающе заявил, что ему не нужен мяч и вообще ничего. Трудно было понять, что же произошло, но Гонсало

предпочел не расспрашивать мальчика, сделав вид, что даже не заметил его необычное поведение.

– Говорят, что Санта-Клауса не существует, – буркнул Висенте, пока они стояли в очереди к кассе. Произнес он это почти непринужденным тоном, словно оценил любопытную новость, услышанную по телевизору. Только теперь Гонсало заметил, что, хотя ноябрь едва начался, супермаркет уже сияет рождественскими украшениями.

– Люди говорят много чего странного, верно?

– Но так считают многие.

– А почему ты называешь его Санта-Клаусом?

– Потому что его так зовут.

– Но ведь раньше ты называл его Пасхальным Старичком.

– Пасхальным Стариком, а не Старичком. Но его настоящее имя – Санта-Клаус, – многозначительно изрек Висенте.

– Его именуют еще и Дедом Морозом, и Святым Николаем. А в Чили принято называть Пасхальным Старичком. Не знаю, как там в других странах...

Они начали выкладывать продукты на ленту и действовали, как всегда: сначала доставали из тележки самые крупные упаковки, а потом помельче, чтобы формировалась пирамида.

– Так ты тоже это слышал? – спросил мальчик.

– Что Пасхальный Старичок не существует?

– Да.

– Много раз, сначала, когда был ребенком в твоём возрасте, и до сих пор. Меня эти слухи уже достали.

– Ну, а сам ты что думаешь? – поинтересовался Висенте.

– А вот я с ним знакома, он часто приходит сюда за покупками, – в знак солидарности с Гонсало вмешалась кассирша.

– Неужели? – спросил он.

– Ну конечно, – ответила кассирша.

– Значит, именно здесь он покупает подарки детям? – Голос Гонсало прозвучал взволнованно.

– Разумеется, нет, и он появляется здесь не в наряде Пасхального Старичка. Ведь он слишком знаменит, поэтому надевает темные очки и лыжную маску, чтобы никто его не узнал и не стал клянчить автограф. Одевается очень просто, ходит в синих джинсах, шлепанцах. Покупает виски, чилийский сыр, лекарство омепразол и уходит. А на днях приобрел еще и веер, ведь на улице жара.

Висенте с тревогой уставился на кассиршу, и она ему улыбнулась. Зеленая ленточка перехватывала ее волосы – почти такого же зеленого оттенка.

– Вы, наверное, братья?

– Нет, – ответил Гонсало, поколебавшись.

– Тогда кто же вы друг другу?

Кассирша спросила это ради поддержания разговора, чтобы сменить тему и слегка пофлиртовать. В свои двадцать восемь лет Гонсало выглядел молодо, но не настолько, чтобы кто-то усомнился в том, что он отец восьмилетнего ребенка. Они вполне могли сойти и за братьев, поскольку были немного похожи: оба смуглые, худощавые, высокие и большеглазые. Впрочем, глаза у Висенте побольше, а волосы темнее и не такие гладкие, как у Гонсало. Сравнивая их лица, можно было выявить и несходство в форме, тем более что нос Висенте поострее. Присмотревшись, эксперт пришел бы к выводу, что это не отец и сын, хотя обычные люди, как правило, не приглядываются к посторонним, поэтому, увидев Гонсало и Висенте вместе, многие полагали, что это папа с сыном. К примеру, сеньора Сара, которая приходила дважды в неделю делать уборку в их доме, услышала, что Карла и Гонсало упомянули «отца Висенте»,

и только так узнала, что Гонсало – не родитель мальчика... По ее словам, она с трудом в это поверила, ведь они так похожи и даже смеются над одинаковыми шутками.

– И все-таки, кем же вы приходите друг другу?

Кассирша продолжала настаивать, и Гонсало потребовалось время, чтобы найти, казалось бы, простой ответ. Висенте видел, что Гонсало растерян и не желает отвечать. Однако заметив умоляющий взгляд мальчика, решил, что обязан это сделать.

– Мы друзья, – наконец, выдал из себя Гонсало. – Просто друзья.

Кассирша ответила понимающей улыбкой и перестала задавать вопросы.

Мы – друзья, размышлял Гонсало в машине, охваченный печалью, которую он хотел бы прояснить или сразу же отбросить. Решил, что надо было ответить кассирше: он отец или дядя ребенка, или вовсе сказать ей, чтоб не лезла в чужие дела. Нет, все-таки надо найти какие-то легкие слова, не вызывающие напряжения. Слова «отчим» и «пасынок» очень неприятно звучат по-испански, однако их как-то нужно использовать или придумать другие.

Висенте сосредоточил свое внимание на пред рождественской иллюминации, ему нравилось разглядывать гирлянды и сравнивать их с царапинами на небе. Но Гонсало понял, что мальчик обижен или разочарован. От супермаркета до дома – около десяти кварталов, они преодолевали эту дистанцию тысячу раз, произнося скороговорки, имитируя птиц, слушая музыку группы «Лос-Бункерс» или песни из радиопрограммы «31 минута», но в тот день Гонсало пришлось нелегко. Когда они остановились у последнего светофора перед их домом, женщина лет пятидесяти налегла на капот их машины, чтобы помыть лобовое стекло. Гонсало безропотно искал монеты, а женщина продолжала ловко и неистово, даже, пожалуй, торжествуя, заниматься своим делом. Как всегда в таких случаях, Гонсало передал монеты Висенте, чтобы тот ее отблагодарил.

– Маловато, – сказал мальчик, неожиданно проявив интерес, но женщине, конечно, было достаточно, ведь такова ее работа. Она закончила за секунду до того, как появился зеленый свет, и Висенте протянул руку, чтобы дать ей чаевые. Но она странно и с обидой взглянула на него, а монеты не взяла. К тому же в ее огромных глазах застыло глубокое недоумение.

– Я знаю эту женщину, – сказала Карла под вечер, когда Гонсало рассказал о той странной сцене.

Они нежились на заднем дворе, лежали на травке босые и пили белое вино. Отмечали успех Карлы, получившей высокую отметку на экзамене.

– Откуда ты ее знаешь?

– А разве ты сам ее раньше не встречал? Я вот вижу почти каждое утро, выходя из метро. Эта безумная всегда торчит на углу улиц Элиодоро Яньеса и Провиденсия.

– Но она была не там, а здесь, почти в двух кварталах отсюда.

– А разве сумасшедшая не может перебираться из одного района в другой?

– Мне показалось, что она вовсе не безумна, – сказал Гонсало тоном человека, готового признать свою ошибку. – Думаю, она просто обиделась, и не знаю почему. Во всяком случае, она весь день моет стекла автомобилистам, а тут я даю монеты ребенку, чтобы он передал ей. Ну, чтобы он учился благотворительности, привык подавать милостыню. Вышло ужасно, а если не ужасно, то как минимум унижительно для нее.

– Но ты же поступил так из добрых намерений, – ласково сказала Карла.

– Да, но это все равно унижительно.

– Та женщина – тощая, с волнистыми волосами? Очень тощая?

– Да.

– И с выпученными глазами?

– С такими выпученными, как у сумасшедших на карикатурах.

– У нее большие и очень выразительные глаза, – сказала Карла. – Темно-зеленого цвета. Думаю, это она самая – сумасшедшая с улицы Элиодоро Яньеса. Она известна именно этим.

– Цветом своих глаз?

– Нет, тем, что моет стекла и не берет плату. Работает задарма, ради собственного удовольствия.

– Ради удовольствия, – повторил Гонсало с иронией. – Непонятно, какое удовольствие может испытывать человек, моющий стекла чужих автомобилей у светофора. Все тобой пренебрегают. Работа у светофоров – полный отстой.

– А мне кажется, что жонглеры и акробаты тоже получают удовольствие. И даже исполнители модного бразильского танца ашэ, – пошутила Карла.

– Нет, этот труд ужасен!

– Да шучу я. Та женщина явно сумасшедшая.

– А я так не думаю. Она не сумасшедшая. Может, просто чего-то не поняла, ее разозлило, что монеты протягивает ребенок. Может, милостыню ей должен давать водитель, а не сидящий рядом пассажир, – настаивал Гонсало.

Тем самым он совершил грубую ошибку, но ему потребовалось несколько секунд, чтобы осознать случившееся. Уже несколько месяцев он позволял ребенку занимать сиденье рядом с собой – исключительно в коротких поездках и чтобы доставить ему удовольствие. Однако Карла категорически запрещала сажать его на это опасное место.

Гонсало мало что мог выиграть в этой дискуссии, как обычно и случалось, когда он ссорился с Карлой, – она умела ловко расставлять акценты, и в результате даже самые несправедливые упреки не звучали оскорбительно. Он заранее готовился принять на себя всю вину, и его молчание подтверждало, что он наказан и раскаивается. Тем не менее Карла разразилась спичем о нарушенном обещании, неоправданном доверии и безответственности. Она привела факты и слухи, ссылки на исследования и отчеты об ужасных авариях на дорогах, а в качестве последнего штриха сослалась на убедительную статистику погибших детей, занимавших кресло рядом с водителями. И при этом отнюдь не казалось, что она преувеличивает: слушая такое, почти невозможно было не поверить, что перевозить дитя на пассажирском сиденье лишь немногим менее жестоко, чем бить его по голове или бросать посреди пустыни. Гонсало понимал, что заслужил нотацию, и все же, когда из уст Карлы вылетело слово «предательство», которое показалось ему несправедливым, неуместным и чрезмерным, чувство вины разом испарилось.

– Извини меня за то, что я каждый день забочусь о Висенте, – бросил Гонсало.

– Некоторые твои поступки свидетельствуют, что ты не папа ребенка, – ответила Карла.

Гонсало взглянул на нее с удивлением и презрением. Схватил себя за волосы левой рукой, а правой вырвал из земли густой пучок травы.

– Я гораздо лучший папа, чем тот невежественный, уродливый, бездарный мямля и мешок дерьма, который сделал тебе ребенка.

Его полуграмотная фраза содержала утверждения, большая часть которых была относительно справедлива. Невежественность Леона была очевидной, но хуже всего то, что он считал себя забавным или даже обаятельным; злоупотреблял пресными шуточками и устаревшей галантностью. А вот Гонсало, напротив, был гораздо более жизнерадостным и ярким, и, хотя у него иногда случались приливы застенчивости или серьезности, он все равно умел привлекать внимание других, не подавляя их. Умел беседовать, но прежде всего слушать и придавать нужный темп разговору.

Вряд ли Леон или Гонсало могли участвовать в конкурсе красоты, даже на муниципальном или районном уровне. И все же преимущество Гонсало и в этом было неоспоримым,

потому что разница в шесть лет была заметной, ведь никто из них спортом не занимался, а время работало на Гонсало. Леон выглядел слишком потрепанным для своих тридцати четырех лет. Кстати, прыщи полностью исчезли с лица Гонсало. Зато пятна на лице Леона напоминали лунную поверхность, а его полнота уже казалась необратимой. Трудно было понять, как у такого отца мог появиться такой красивый мальчик: увидев их вместе, можно было заметить сходство, но также возникало предположение, что мать Висенте должна быть – а она действительно была – потрясающей красавицей.

Кстати, о бездарности: Гонсало не был героем и не считал себя таковым. Наоборот, он хранил горечь от проигранных боев и незавершенных сражений, но и в этом имел преимущество, поскольку, хотя и не был лучшим преподавателем на свете, а также не стал известным поэтом, все-таки явно и решительно пытался брать на себя роль отца Висенте. Тогда как Леон, адвокат, отнюдь не посвящал себя благородным делам или чему-то подобному, а лишь стремился заработать побольше денег, однако и в этом не смог преуспеть. Ну а отцом он был даже хуже, чем посредственным.

Что касается «мямли», то эта оценка не соответствовала действительности; Леон не был мямлей, по крайней мере, явным, а если и был, то не всегда. Хотя в то памятное утро, когда они обсуждали салями, Гонсало заметил, что Леон плохо спрягает глагол «предвидеть» (который произносил как «предвидееет»), подобно значительной части чилийского населения, включая почти всех радио- и теледикторов), и что он сказал «скрытый» вместо «скрытний». Не такие уж вопиющие ошибки, но они вызвали особенное раздражение у Гонсало. К тому же, вероятно, он обозвал тогда Леона мямлей просто из удовольствия заставить того порыться в словаре в поисках значения этого слова. Но Леон даже не удосужился открыть словарь. Ведь немало людей, которые, услышав незнакомое слово, просто давятся смехом.

Выражение «мешок дерьма» противостоит естественности и потому придает фразе некую убедительность. Это оскорбление вырвалось у Гонсало, потому что оно не просто очень обидное; он хотел еще и выглядеть оригиналом. «Мешок яиц», «мудак», «бабник», «сукин сын», «ублюдок» или еще более традиционные ругательства прозвучали бы не так оскорбительно, чем столь непривычное и, следовательно, более эффективное выражение.

Впрочем, для Карлы самыми ужасными стали слова «который сделал тебе ребенка», поскольку в них промелькнула ревность, и, кроме того, они намекали: дескать, она – обычная шлюшка. Причем данное обвинение имело инфантильный оттенок, словно Гонсало только что узнал, как делают детей.

Карла не ответила ему, но умолкла и ушла в себя. И пока она ела брокколи с майонезом, решив, что будет хранить молчание вечно, Гонсало налил себе двойную порцию виски и выпил залпом, как никудашные актеры на кинокадрах глотают воду вместо спиртных напитков. Он в некотором смысле и чувствовал себя страдающим героем какого-то фильма. Гонсало хлопнул дверью кухни, хотя раньше осуждал такой жест, и с бутылкой в руке ушел в маленькую комнату, где обычно работал.

«Они считают себя великодушными отцами, откладывая сто тысяч песо в месяц для детей, но при этом ни разу не удосужившись помочь им выполнить домашнее задание. Впрочем, дети все равно их любят, они изображают отцов на всех своих рисунках. Даже если те к ним не приходят, ведь они навещают их редко. Будь то биологические отцы, или разведенные, или бросившие своих чад – все они одинаковое дерьмо. Когда взрослые не приходят, ничего не случается, это им гарантировано. Они могут даже исчезнуть, а дети продолжают ждать, прощать, готовиться к их появлению, и любое опоздание, любую жалобу и вообще все можно загладить коробкой конфет или плюшевым медвежонком.

На стадионе детям скучно смотреть футбольные матчи, и пока их отцы громко клеймят судей, они проводят девяносто минут, поглощая свои маленькие шоколадки, конфеты и ара-

хис в сахаре. Затем, объевшись сладостями почти до тошноты, дети расхватывают долгожданные коробочки с обедами в «Макдоналдсе», а их папы, пользуясь случаем, съедают по два-три гамбургера, причем даже с беконом, и запивают еду огромными стаканами водянистой кока-колы. Затем пальцами, липкими от картофеля фри, самоотверженные мужчины берут мороженое с карамельным соусом и заказывают бесчисленное количество кофе «эспрессо», тогда как их дети мучительно погружаются в эти огромные дурацкие емкости, наполненные разноцветными шариками.

Время от времени отцы поглядывают краем глаза на своих отпрысков, болтая с самоотверженными матерями-одиночками или с ласковыми нянями детей, которым они могут быть и старшими сестрами, но в любом случае не выглядят совершеннолетними. А иногда даже, черт подери, папаши берут с собой в «Макдоналдс» книжку, чтобы подкрепить свою ауру серьезных, ответственных – и почему бы нет? – чувствительных мужчин. Они могут процитировать Эрнесто Сабато или Рубена Дарио, или выдать себя за знатоков стихотворений Рóке Дальто́на¹³. А также советуют посмотреть «Темную сторону сердца» или «Общество мертвых поэтов», которые не являются их любимыми фильмами, потому что эти придурки предпочитают «Смертельное оружие» или «Полный ход». Впрочем, они прекрасно знают, какие фильмы лучше всего подходят для успешного флирта. Собственные дети – идеальная приманка для наивных ослепительных девушек. Мужчины выбирают все более молодых, более раскованных и уступчивых, которые вознаграждают мнимые усилия, фальшивое самопожертвование этих приходящих отцов, обманываясь обещаниями будущего, которое едва ли продлится пару месяцев.

Однако мимолетные любовницы охотно соглашаются на все с каким-то обреченным смирением. Они без устали выслушивают мантру «отцов выходного дня», потому что от такого повторения переговоры легче согласовываются и материализуются, а прежде всего приобретают ритмику и драматический полет. Ведь папы твердят о невозможности проявить себя, изменить свой образ жизни, взять на себя обязательства, поскольку им мешает ребенок, и это единственное, что имеет значение, ибо уже есть дитя, которое для них означает все. Они заявляют, что готовы отдать жизнь за сына и что в конце каждого рабочего дня, когда силы уже на исходе, помышляют лишь об улыбке своего чада, и поэтому трудятся в поте лица, да и всерьез думают бросить курить, употреблять алкоголь и именно потому уже почти полностью отказались от кокаина. И даже собираются пройти обследование прямой кишки, простаты, проверить уровень холестерина и все такое прочее.

Они благословлены, облагорожены, узаконены своим богатым опытом, но являются полными невеждами. Это паразиты, неизлечимые опухоли, всего лишь физиономии, позирующие перед фотокамерами: сияющие, расслабленные, загорелые, прошедшие курс психоанализа, отдохнувшие, легкомысленные. При этом они – преступники, прикидывающиеся жертвами, изображающие, будто не они тысячу раз настаивали на прерывании беременности жен всеми возможными способами, демонстрируя свои приступы ярости и панику. Словно не они искали для аборта грязные подпольные клиники по умеренным ценам. Будто не они считают своих детей обузой, длительным последствием непоправимой ошибки; причем такого мнения придерживаются не только в те несколько дней, когда бездарно играют роль заботливых отцов, но и все остальное время.

А пока что они разглагольствуют, заглядывая в декольте собеседниц, ведь у них развилась способность одновременно смотреть в глаза и созерцать груди. Между тем другие мужчины, бедолаги, посвящают воспитанию ребенка двадцать четыре часа в сутки. Эти совершили свою непоправимую ошибку, влюбившись в женщин, с облегчением брошенных их предшественниками. И вот теперь несчастные содержат дом и даже готовят пищу, моют грязную посуду,

¹³ Сальвадорский поэт-коммунист. (Прим. перев.)

проявляя унижительный энтузиазм. Одни – смешные мужчины, избегающие излишков сахара, соли и насыщенных жиров. Другие – кроткие, как ярмарочные лошади, озабоченные растущим дефицитом воды, до смешного волнующиеся о будущем планеты и заранее смирившиеся с непрерывной критикой со стороны своих требовательных, неблагодарных и жестоких женщин».

Гонсало сохранил этот текст и поместил файл в архивную папку, а потом попытался придать сочинению произвольную форму гневного стихотворения, которое мало или совсем не походило бы на те, что он обычно писал. Увы, сейчас у него просто иссякли слова. Он уставился на экран, как зритель, который отказывается смириться с отключением электричества во время киносеанса. Шум мусоровоза вывел его из оцепенения; он встал, закурил очередную сигарету и посмотрел на свои книги издали почти с любопытством, как будто они принадлежат кому-то другому. Потом, как бы конкретизируя несформулированную мысль, взял словарь и нашел слово «отчим». Прочел первое значение: «Муж матери по отношению к рожденным ею детям». А второе, дословно – «Плохой отец». Третье значение он узнал впервые: «Препятствие, помеха или неудобство, мешающее или причиняющее вред какому-либо делу». Даже четвертое, скорее техническое, показалось ему унижительным: «Небольшой кусочек кожи, который поднимается от плоти непосредственно до ногтей рук и вызывает боль и дискомфорт».

Никудышный это словарь, словарь «Испанской королевской академии», мать его так, решил он. Как это – плохой отец, препятствие или помеха, тот, кто мешает, вызывает боль? Разве не он, Гонсало, должен бы сейчас жить-поживать в прекрасно обставленной холостяцкой квартирке, где мог бы спать с половиной красоток города Сантьяго, где мог бы трахать женщин намного богаче тех, которых, вероятно, имел отец Висенте? Разве он этого не заслужил?

Паршивый испанский язык, снова подумал он, на этот раз вслух и псевдонаучным тоном исследователя, который намечает или выделяет проблему. Ведь ни одно испанское слово, оканчивающееся на суффикс как у существительного «отчим»¹⁴, не означает и не может означать ничего, кроме презрения и отсутствия легитимности. Проклятый суффикс «образует существительные с унижительным значением», утверждает «Испанская королевская академия», да еще приводит примеры в доказательство. В том же источнике слово «поэт» с таким же суффиксом подается просто как «плохой поэт» – «poetastro». Значит, в этом случае дословно диалог может прозвучать и так:

- Чем занимается твой плохой отец?
- Мой отчим – плохой поэт, – представил себе Гонсало ответ Висенте.

Впрочем, позже, перебирая на нижней полке стопку словарей других языков, Гонсало обнаружил, что это проблема не только испанского языка. А порывшись в Интернете, записал на стикерах, словно ему требовалось хорошенько запомнить, слова *padraastro*, *patrigno*, *stiefvater*, *stefar*, *stedfar*, *ojczym*, *üvey baba*, *beau-père*, *duonpatro*, *isäpuoli* и даже тщательно транскрибировал это же слово на арабском, китайском, русском, греческом, японском и корейском языках. Затем потратил полчаса на поиски слова для обозначения отчима на языке индейцев мапуче, но тщетно.

Английское слово *stepfather* показалось ему гораздо лучше, тоньше и точнее, чем испанское *padraastro*, отмеченное этим жутким унижительным суффиксом – *astro*. «Муж матери, если он не является родным или законным отцом», – просто-напросто говорится в англоязычном словаре «Мерриам-Вебстер». И французский «Лярусс» определяет красивое французское слово *beau-père* («бопэр»), различая два значения, ни одно из которых не является пренебрежительным: «Отец супруга – свекор» и «Второй муж матери по отношению к детям от первого

¹⁴ *Padraastro*. (Прим. ред.)

брака». Гонсало оценил: прекрасно, что во французском языке роли тестя и отчима совпадают в одном слове (хотя отец Карлы нисколько ему не нравился).

Было четыре утра, когда Гонсало позвонил своему знакомому всезнайке-лингвисту Рикардо. Повезло, поскольку в это время эксперт был достаточно пьян, чтобы спокойно ответить по телефону. Рикардо поведал ему об исследовании «Элементарные структуры родства» знаменитого ученого Клода Леви-Стросса и процитировал ряд других работ. Гонсало заинтересовался, существует ли слово «отчим» в языке мапуче.

– Для индейцев мапуче, – ответил Рикардо с неожиданной профессорской дикцией, – «чау» означает «партнер матери», и неважно, биологический он отец или нет. «Чау» – это название функции, родительской функции.

– А как же индейцы отличают отца от отчима?

– Я же тебе сказал, что их не интересует такое различие.

– А разведенный чау меняет это название?

– Нет. Ну, я не такой уж знаток, но думаю, что нет. То есть, если ты бывший чау, но все еще жив, то так им и остаешься, если даже твое место занял другой чау.

– Получается, что у одного ребенка могут быть два отчима.

– Конечно. Или даже больше.

Такой подход показался Гонсало справедливым и, более того – гениальным. Он решил провести исчерпывающее исследование, а затем взять интервью у носителей самых разных языков, чтобы расспросить их, толком пока не зная о чем, поскольку не мог сформулировать главный вопрос. И все-таки я что-то у них спрошу, пообещал он себе. А еще он решил немедленно послать письмо в газету «Меркурио» о словах, обозначающих «мужа матери по отношению к рожденным ею детям».

Ладно бы сочинить эссе, но какое-то письмо в газету? Тут ему вспомнилось, что он не из тех, кто строчит письма в редакцию «Меркурио».

Гонсало уснул, положив голову на стол. Он так и проснулся перед рассветом в уютной лужице из слюней. Проскользнул в комнату и лег в постель, как можно дальше от Карлы, которая спала, сжимая правой рукой простыню.

Воскресенье прошло предсказуемо: они не общались, всячески избегая друг друга, а единственные слова, которые произносили, адресовались мальчику или кошке. Только после обеда Гонсало вспомнил о своем проекте «Отчим», и он показался ему, по сути, глупым. На втором этаже зазвучала призывная музыка компьютерной игры Super Mario World, которую Гонсало воспринял как приглашение, потому что они играли обычно вместе, Висенте в роли Марио, а Гонсало в роли Луиджи. Гонсало выменял приставку у знакомого на полное собрание сочинений Сервантеса – у него их было два. Теперь эта консоль считалась устаревшей, у друзей Висенте были уже Nintendo 64 или Play1.

Он поднялся в детскую, сел рядом с пасынком, и они сразу же приступили к игре. Несколько минут Гонсало молча наблюдал за упорными попытками Марио спасти Принцессу Поганку.

– Помнишь ту женщину на кассе? – спросил Гонсало, с самого начала настроившись на решительный тон. Вопрос был почти риторическим, поскольку общались они совсем недавно, и мальчик не мог этого не помнить.

– Да, – ответил Висенте, поглощенный игровым ритмом (Марио рисковал своей шкурой, чтобы собрать несколько золотых монет).

– Я имею в виду кассиршу, которая спросила нас, не братья ли мы.

– Ну да, – подтвердил мальчик слегка раздраженно.

– И что я ей ответил?

– Что мы с тобой друзья.

– И это правда, мы настоящие друзья, – сказал Гонсало.

– Нет, неправда, – перебил его Висенте.

– Почему же? – спросил Гонсало, внезапно оробев.

– Потому что она была права, мы братья, – сказал Висенте, улыбаясь.

Любой почувствовал бы в его словах шутку, но почти отчаявшийся Гонсало не заметил этого.

– Ведь сейчас мы братья, – уточнил Висенте. – Я Марио, а ты Луиджи.

– А-а-а, – с облегчением сказал Гонсало.

Марио упал в пропасть, и Гонсало не был уверен, произошло ли это в результате неудачного маневра или Висенте позволил победить себя. Гонсало взял свой пульт – который он по старинке называл джойстиком – и продолжил путешествие Луиджи.

– Я твой отчим. А ты мой пасынок. По-испански звучит некрасиво.

– Так и есть.

Было очень странно беседовать на эту тему, пока Луиджи прыгал на динозаврах, поэтому Гонсало остановил игру.

– Однако приходится использовать имеющиеся слова. Даже если они нам не нравятся. Слово «отчим» некрасивое, но оно у нас есть. В других языках оно красивее. А у индейцев мапуче такого слова, как отчим, нет вообще. У них и отца, и отчима зовут чау.

– Чау?

– Да, точно.

– А откуда же они узнают, кто отчим, а кто отец?

– Им все равно, они заботятся о маме, пока ее сопровождают.

– А если она лесбиянка?

– Ну, тогда, я думаю, там две мамы.

Гонсало стремился говорить убедительно, хотя и не был уверен, что информация, которую сообщил ему пьяный приятель, достоверна. Он усиленно, по-интеллигентски, подергал свою редкую бороденку.

– Значит, ты хочешь, чтобы я называл тебя папой? Или чау? Звучало бы странно: Привет, чау!

– Нет, – решительно ответил Гонсало. – Скажи мне, как ты сам хочешь меня называть, выбери сам. Может, отчимом, ведь в других языках это не такое безобразное слово.

– А как это сказать по-английски?

– Степфазэ. А по-французски – бопэр.

– Ой, да ты знаешь французский?

– Нет, но я знаю это слово. «Бопэр» означает «хороший отец».

Нужно было сказать «красивый отец» или «великолепный отец», хотя, возможно, так все-таки лучше, чтобы показать свою точку зрения и прояснить концепцию хорошего отца: у Висенте их два, и один хороший, а другой плохой или посредственный. И тут выясняется, что плохой или посредственный – как раз родной папа.

– Значит, ты хочешь, чтобы я звал тебя по-французски?

– Нет, но хочу, чтобы ты знал: испанский – наш родной язык. И мы должны использовать его слова, даже если они нам не нравятся. А если мы применяем их довольно часто, то они могут означать и что-то другое. Вероятно, мы можем изменять их значение.

Он не собирался произносить последнюю фразу, такую хипповскую. Но она вырвалась у него, видимо, вызванная обнадеживающей интонацией, которую Гонсало пытался придать своим словам в беседе с ребенком: внезапно у него появилась удивительная вера, потаенный, незримый энтузиазм. Висенте молча глядел на Гонсало, полностью сосредоточившись на разговоре.

– В следующий раз, когда нас спросят, отвечу, что я твой отчим, а ты можешь сказать, что ты мой пасынок.

– Ладно, отчим так отчим, – согласился мальчик, почти торжествуя. – Сыграем еще?

– Конечно.

Казалось, закон взаимной холодности будет действовать бесконечно. Такое случалось и раньше, но теперь, вопреки привычке, Гонсало сохранял твердость и убежденность, что ему не следует просить прощения. И даже немного радовался, когда замечал, что Карла вздыхает или невольно произносит какую-нибудь фразу, выдающую ее готовность помириться. Все это продолжалось уже десять дней, когда Мирта, мать Гонсало, позвонила ему и уговорила пойти на вечеринку «в честь этого проходимца». Гонсало хотел отправиться туда в одиночку или с Висенте, но Карла настояла на том, чтобы присоединиться к ним.

«Проходимцем» прозвали дедушку Гонсало. Конечно, у него было имя, но лучше лишить его такой привилегии. У него числилось от двадцати до тридцати детей – возможно, старик и вел им счет, но никто не смел поинтересоваться деталями, поскольку, скорее всего, он и сам не знал точного ответа. Абсолютно у всех отпрысков был повод его ненавидеть, особенно у Мирты, которую папаша бросил в четырехлетнем возрасте. Она помнила, как отец покинул их дом и через несколько месяцев вернулся лишь для того, чтобы забрать всю мебель, кроме кроватей. В детстве Мирта встречалась с ним на улице, и время от времени от него приходили известия о рождении других детей – обычно двух-трех в год – или о его случайных заработках. Он трудился то начальником механической мастерской, то исполнителем песен болеро в закуской, таксистом или водителем автобуса, игроком на скачках (что было не работой, а самым частым его занятием) и примерно каждые два года появлялся во славе и величии в своем бывшем доме. Он устраивался в гостиную, чтобы поболтать и сделать решительные признания в любви, хотя, разумеется, никогда не просил прощения или чего-либо подобного. И почти всегда благодаря щедрым посулам и витиеватым комплиентам ему удавалось остаться на ночь («ты будешь моей женой на всю оставшуюся жизнь»). На следующее утро Проходимец шел в магазин и сам готовил завтрак, который называл «полноценным»: он состоял из стакана апельсинового сока, галет с джемом и маслом, сладких блинчиков, а на десерт рассказывал удивительные истории, которые Мирта и ее мать слушали с потрясенным видом. Иногда старик оставался на вторую ночь, но на три подряд – никогда. Именно так Проходимец понимал отцовский долг и при этом пользовался всеобщим одобрением, ведь в то время занятие любовью и оплодотворение женщин направо и налево служило престижным методом доказательства своей мужественности.

Гонсало довелось увидеться с Проходимцем лишь однажды, в семилетнем возрасте, когда тот появился ниоткуда со своей последней дочерью, которой в то время было четыре года:

– Гонсальчик, это твоя тетушка Верито, – объявил он, умирая от смеха.

Гости остались у них после полуночи. Мирте пришлось одолжить свитер своей непонятой младшей родственнице. А потом они отбыли на ветхой «Ренолете» старика.

Материнское приглашение показалось Гонсало невероятным. Она сама настояла на том, чтобы выйти на связь с Проходимцем и узнать номера телефонов многих своих единокровных братьев и сестер, девятнадцать из которых подтвердили присутствие на обеде. Но самое удивительное и возмутительное состояло в том, что Мирта потратила все свои сбережения, чтобы заплатить за обед и арендовать помещение для этого сборища. Маме Гонсало хронически не хватало денег, она дополняла свою скудную учительскую зарплату преподаванием на вечерних курсах английского языка для представителей малого бизнеса, и главной мечтой ее жизни было посетить какую-нибудь страну, любую, где она могла бы пообщаться на английском. Тем не менее новой ее мечтой, видимо, стало почтить Проходимца. Гонсало предположил, что сыновья старика должны собраться вместе, но не для оказания почестей, а для того, чтобы пристрелить его, или пнуть пару раз в «кокосы», или, на худой конец, устроить ему отрезвляющую

взбучку, завершив ее плевками в лицо. Гонсало не хотелось там присутствовать, но Мирта умоляла его («Он, в конце концов, мой папа» и «Отец есть отец»).

Во время долгой поездки в Талаганте рулила Карла, а Гонсало глазел в окно на плантации миндальных и ореховых деревьев. Висенте играл в моргалки с фонарными столбами. Перед перекрестком Гонсало начал мечтать о том, что они продолжают путь, пока не доберутся до моря. Было бы здорово преодолеть еще сотню километров и погулять по пляжу под ласковыми солнечными лучами поздней весны. Он представил себе, как они идут в ресторан полакомиться дарами моря и медленно опорожнить бутылочку белого вина. Гонсало уже готовился предложить Карле такую перспективу, но вдруг вспомнил о действии закона взаимной отчужденности.

Встреча вылилась в крупное событие: десятки автомобилей были припаркованы на грунтовой дороге рядом с участком площадью в полгектара, на котором возвышались несколько узких эвкалиптов и располагался огромный, почти непропорциональной формы бассейн. Гонсало приветствовал всех с напускной непосредственностью. Гости называли свои имена, упоминали какие-то отличительные признаки и представляли своих детишек, которые носились вокруг здания ресторана, бегали по траве или мчались к бассейну. Возле небольшого загона для кур Карла и Мирта беседовали так, словно были давними подругами, хотя прежде не были знакомы. Висенте оставался с Гонсало. В подобных ситуациях он цеплялся за мать, но в тот день ему показалось забавнее держаться поближе к Гонсало.

Патриарх запаздывал, заставляя себя ждать, и временами казалось, что он вообще не приедет. Все его дети выглядели крайне озабоченными, будто отец никогда раньше их не разочаровывал. Гонсало и Висенте затеяли незаметную игру-угадайку – кто из приглашенных дети Проходимца, а кто, соответственно, их спутники и спутницы жизни. Выяснилось, что рост никого из многочисленных потомков не превышает одного метра семидесяти сантиметров, все они скорее смуглые и преимущественно худощавые, а мужчин среди них больше, чем женщин. У всех оставалось много волос, и хотя яркий солнечный свет предписывал темные очки, все-таки можно было заметить преобладание потомков с почти черными и довольно маленькими глазами. Кстати, ни одна из бывших жен старика не присутствовала на мероприятии, ибо к тому времени половина из них ненавидела его всей душой, а остальные были уже мертвы.

Наконец-то появился и он, ступая размеренным шагом и держа в правой руке гитару, как трость, но, разумеется, не опираясь на нее, поэтому она, скорее, казалась еще одной частью его тела. Рядом с ним шел его отпрыск, и это был младший сын, подросток лет четырнадцати, коротко стриженный, подтянутый и с военной выправкой, а не дочка Верито. Уже успели приготовить картошку и ребрышки, их принялись есть во дворе усадьбы, соревнуясь с разной степенью скрытности за внимание Проходимца.

После обеда отец Гонсало принес кресло-качалку на площадку для барбекю, чтобы старик мог удобно усесться и взять слово. Он с трудом ослабил узел фланелевого галстука и церемонно поблагодарил присутствующих за приглашение, а затем вдруг сообщил неожиданную новость: у него только что диагностировали рак желчного пузыря, перспективы пока туманны, но скоро ему предстоит операция, а потом – лучевая и химиотерапия («химия», – объявил он, и это прозвучало так, словно он говорил о своей новой страсти). Ожидания не были обнадеживающими.

– Видимо, скоро я отойду в мир иной, – заявил он с театральной покорностью.

Гонсало вспомнил тех нищих, которые симулировали эпилептические припадки в автобусах и после конвульсий на полу бодро вскакивали, чтобы прогорланить свою грустную историю и выйти на остановке с полными карманами ассигнаций якобы на покупку лекарств. Однако сейчас никто из гостей не сомневался в правдивости печальной новости. Некоторые из детей, столпившихся вокруг старика, в том числе мать Гонсало, тут же разрыдались.

– Папа, ну пожалуйста, позволь нам помочь тебе оплатить лечение. Мы можем собрать деньги в складчину, – умолял его один из сыновей, больше всех похожий на Проходимца. Гонсало подумал, что он прямо-таки его двойник.

– Незачем вам терять свои деньги, – ответил старик. Но все продолжали настаивать и даже обменялись спонтанными жестами, чтобы позже договориться о способе сбора средств. – Ну, хватит вам, мы же собрались здесь не для того, чтобы грустить, – галантно добавил Проходимец. – Если я помру уже сегодня, то все-таки прожил восемьдесят два очень насыщенных, очень счастливых года. И лучшее тому подтверждение – дань уважения, которую все мои дети и внуки отдадут мне в этот замечательный день.

– Но собрались-то не все, – встрял Гонсало только для того, чтобы подпортить празднество, и тут же заметил испепеляющий укоризненный взгляд Мирты, которого не видел у матери несколько десятилетий.

– Ну, не все, так большинство, – отреагировал старик. Он ловко извлек гитару из чехла и затянул песню «Как цикада». Его исполнение звучало безупречно, пел он красивым глубоким голосом, умело аккомпанируя себе на гитаре:

Столько раз меня гнобили,
столько раз я умирал,
а на собственной на тризне
в одиночку я рыдал.

Старик спел этот куплет особенно проникновенно, будто намекая на свои нынешние обстоятельства. Впечатление усиливал странный рисунок его мохнатых седых бровей, которые он периодически поднимал, словно под влиянием внезапного тика.

Затем настала очередь его детей. Проходимец еще в детстве научил их всех петь одни и те же песни; к счастью, петь захотели лишь немногие, иначе концерт затянулся бы на целую вечность. Возникла нелепая и неловкая ситуация, как будто они пробовались на важную роль – каждый певец пытался стать любимчиком отца – и все вели себя, как придурки.

Висенте и Карла все это время были с Гонсало, но мальчику стало скучно, и он пошел с мамой к бассейну. Она опустила ноги в воду, медленно потягивая красное вино из бокала.

– А папа твой кто? – спросила Висенте девочка с брекетами на зубах и с большими зелеными надувными поплавками на руках.

– Моего папы здесь нет, – как ни в чем не бывало ответил он. – Я тут с мамой и с отчимом.

Карла не знала о концептуальных усилиях своего партнера, но услышав такое от сына, поняла: что-то изменилось в отношениях Висенте с Гонсало. Слово «отчим» мальчик использовал не в первый раз, раньше он употребил его в болтовне с одноклассниками. А сразу же после беседы с Гонсало решил присвоить это слово скорее по необходимости, нежели из послушания: ведь нужно же ему было как-то называть человека, с которым он делил добрую часть своей жизни, и прежде всего – уточнить, что этот мужчина не был его отцом.

Растроганная Карла посмотрела в сторону площадки для барбекю, ища отчима своего сына среди слушателей игры на гитаре, но не увидела его, потому что Гонсало сидел на корточках, закрыв лицо руками и слушая, как Мирта поет «Дебют и прощание» группы «Лос-Анхелес Негрос». Ту самую песню, которую уже исполнили два его сводных брата:

Должен уточнить, что не моя это жизнь,
а всякое совпадение – просто случайность,
успел я забыть вашу якобы привязанность,
что сегодня одарит меня аплодисментами.

Гонсало на себе ощутил унижение своей матери, хотя она выглядела гордой, даже вызывающей, ведь пела Мирта лучше всех и на настоящем конкурсе наверняка вышла бы в финал.

Под звуки гитары день приблизился к вечеру, внимание собравшихся, наконец, рассеялось, и им подали сочный ананасовый пирог, который так любил старик. Все вошли в залу, и Мирта заняла место рядом с Проходимцем на главном диване. Она положила тяжелый лэптоп себе на колени и принялась усердно заполнять таблицу Excel с красивыми цветными ячейками – именами внуков старика и датами их появления на свет.

– Эй, послушайте-ка, – крикнул виновник торжества, обращаясь к Гонсало, который сделал вид, что не слышит. – Эй, вы там!

Мать Гонсало шепнула его имя на ухо старику:

– Гонсальчик!

Висенте инстинктивно подошел к Гонсало и схватил его за руку – редкий жест, словно мальчик хотел ему помочь, хотя, когда ребенок берет руку взрослого, считается, что как раз таки малыш ищет защиту. Карла тоже приблизилась к ним. В их сопровождении Гонсало медленно приблизился к патриарху и предстал перед ним.

– Ты меня осуждаешь, да? – спросил старик, переходя на привычное «ты».

– Так и есть, – признался Гонсало. – Конечно, осуждаю.

– Понятно. Я ведь наблюдал за тобой.

– Ну и?.. – Голос Гонсало зазвенел, как у подростка.

– А я вот не осуждаю тебя за то, что ты упрекаешь меня, – великодушно изрек старик. – И я всегда вспоминаю о тебе в дни твоего рождения и на Рождество. Постоянно спрашиваю, как там Гонсало, Гонсальчик. Не моя вина, что тебе не говорят об этом.

У Гонсало уже был наготове ироничный ответ. Однако заметив, что мать следит за мучительной для нее сценой, будто и вправду в течение десятилетий она не передавала Гонсало пожеланий деда, он ограничился скептической усмешкой и взял на руки Висенте, который в восемь лет был великоват, чтобы носить его на руках. Ребенок свернулся клубком, будто захотел спать. А старик продолжал:

– Мирточка утверждает, что ты поэт. Ну-ка, прочти нам свой стишок.

– Я вовсе не поэт, вас дезинформировали, – сказал Гонсало, пытаясь скрыть смущение.

– Да ладно, не ершись, просто прочитай нам стихотворение, а я подыграю тебе на гитаре. – И старик тут же взял начальные аккорды песни «Слеза» Франсиско Тарреги. – Между прочим, я был знаком с Нерудой, с Пабло де Рока и со всеми великими чилийскими поэтами. Однажды я пел в клубе в присутствии Неруды, и по окончании концерта он подошел поздравить меня и подарил свой шарф.

Все так внимательно слушали Проходимца, словно перед ними выступал вождь племени. А Висенте в ожидании чего-то оставался на руках отчима.

Гонсало чувствовал вес ребенка, двадцать пять килограммов отягощали его позвоночник, но он не хотел отпускать мальчика, смутно понимая: держать сейчас Висенте на руках – его обязанность.

– Вас неправильно информировали, сэр, – повторил Гонсало и вышел во двор с ребенком на руках.

Но успел услышать, как старик спросил у Мирты, намекая на Висенте:

– А этот миленький козленок тоже мой внук?

Через полчаса, одними из первых, они покинули место встречи. Прощаясь, Гонсало неожиданно обнял дедушку в знак видимого примирения, но на самом деле – чтобы шепнуть ему что-то на ухо.

– Что ты сказал моему отцу? – спросила Мирта, провожая их до машины.

– Да так, ничего, – уклончиво ответил Гонсало.

- Пока, бамачеха, – вовремя прервал их Висенте.
- Что ты такое придумал, что это за обращение? – раздраженно воскликнула Мирта.
- Да ты же мать моего отчима, и значит, ты моя бабушка-мачеха, – нашелся Висенте. Отец Гонсало тоже вышел их проводить.
- Пока, дедотчим, – сказал мальчик.
- И тебе пока, внупасынок, – игриво ответил тот.
- Чао, приемная семья! – крикнул Висенте из окна машины на прощание.

На обратном пути за рулем был Гонсало, а Карла с сыном ехали на заднем сиденье, прижавшись друг к другу.

- Что ты сказал ему на ухо? – в сотый раз спросил Висенте, когда они выехали на шоссе.
- Что очень его люблю, – ответил Гонсало.
- Нет, неправда, – воскликнул мальчик.

Гонсало пытался сосредоточиться на дороге. Он вообразил, что небо испускает некие густые капли и что водителю нужно включить «дворники» и следить за их движением на ветровом стекле.

- Ну, хватит, поведай же нам, что ты ему сказал, – потребовала и Карла.

Она не ждала от него серьезного ответа, у нее не было злого умысла. Гонсало догадывался, что с ее стороны абсурдно давить на него, ведь они все еще злятся друг на друга.

– Ладно, расскажу вам о том, что прошептал на ухо этому человеку, – объявил Гонсало, обгоняя грузовик. – Я сказал ему, что не верю, что у него рак, но надеюсь, что все-таки это быстро прогрессирующий рак, и что пусть он завтра же умрет, и что никто не придет на его похороны.

Карла нервно вздохнула.

– Ложь, просто невероятно, чтобы Гонсало высказал такое своему дедушке, – заверила она мальчика, который выжидающе смотрел на нее.

– Он мне не дедушка, – брякнул Гонсало. – Он – отец моей мамы. Сукин сын, бросивший мою маму и всех недотеп, что приперлись к нему на вечеринку. Он ленивый, безжалостный и похотливый убудок, не заслуживающий уважения.

- Будь добр, следи за словами, – потребовала Карла.

Ей понадобилось минут десять, чтобы попытаться объяснить ребенку, что имел в виду Гонсало. И Висенте ощутил угрожающую атмосферу правды, сопровождавшую эту сцену. Когда они вошли в дом, все трое были в подавленном настроении. Гонсало обнял сначала Висенте, а затем Карлу, попросил у них прощения и поблагодарил за то, что они сопровождали его. Он признался, что никому не желает смерти и что действительно думал, что у старика нет рака, но, вероятно, ошибался. Сказал также, что каждый имеет право на прощение (и повторил это несколько раз, как священник молитву).

- А все-таки ты поэт или нет? – спросил его Висенте за ужином.

Мальчик действительно этого не знал. Для него Гонсало – учитель, который много читает и что-то пишет, но это «что-то» может быть и не стихами, а писать стихи – не значит быть поэтом.

- Да, я сочиняю стихи.
- Тогда почему же ты сказал ему, что не поэт? – поинтересовался Висенте.
- Не хотелось, чтобы меня заставили читать стихи.
- Ну, тогда прочти их нам, – настаивал Висенте. – Только нам одним.
- И правда, давай-ка, а мы послушаем, – поддержала его Карла таким же заинтересованным тоном.

– Дело в том, что я пишу поэзию, не предназначенную для декламации на публике, она рассчитана на чтение в тиши, – заявил Гонсало.

– Как глупо, – воскликнул Висенте.

– Может, и глупо. – Гонсало хотел придать своему голосу беззаботность и энергичность, но не смог избежать доли драматизма. – Просто я не такой, как мой дедушка.

– Значит, ты никогда нас не бросишь, – поспешно сказал Висенте, словно пытаюсь упредить следующую фразу Гонсало, хотя на самом деле тот не собирался ничего говорить.

– Нет, никогда, я не брошу вас никогда, – все-таки заявил он и почувствовал головокружение от последних слов.

Той ночью Карла и Гонсало завершили примирение, как идеальные обезьянки бонобо, и только после секса, уже почти на рассвете, обессилив, они предприняли что-то вроде продолжительного конкурса взаимных извинений, завершившегося ничейным результатом и вызвавшего ощущение, что все случившееся с ними недавно – просто недоразумение. Должно быть, Гонсало победил, потому что Карла, уже несколько недель представлявшая себе жизнь без него, пришла к выводу, что вела себя, как дуреха.

Наступили жаркие и напряженные дни, когда Карла сдавала выпускные экзамены, а Гонсало исправлял многословные сочинения своих студентов. У пары едва нашлось время, чтобы запланировать вечеринки в самом конце года.

– Взрослые заранее сговариваются, чтобы врать детям на Рождество, – с горечью изрек Висенте утром 24 декабря.

– И ты считаешь, что такое возможно?

– Да.

– Подожди-ка минутку, – попросил Гонсало.

Висенте неохотно доел свой омлет. Гонсало вернулся с фолиантом Честертона и с ходу перевел для Висенте:

«Лично я, конечно, верю в Санта-Клауса, но сейчас, в дни прощения, я готов простить тех, кто в него не верит».

– Ну, это просто книжка, – вздохнул Висенте. – Поэтому она вполне может солгать, и наверняка есть другие книги, в которых говорится, что его не существует.

– Честертон утверждает, что некоторые люди верят в Пасхального Старичка, а другие – нет. Но сам он верит, будучи взрослым. – И тут Гонсало показалось смешным решение возвести Честертон в ранг представителя взрослых. – Знаешь ли ты, кем был этот Честертон?

– Писателем.

– Великим писателем.

– Он получил Нобелевскую премию?

– Нет, – признал Гонсало.

– Значит, не такой уж он хороший.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.